

ОДЕССИТЫ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

Содержит для одесситов и симпатизирующих им
взвѣзновую биржу
Въ этомъ номерѣ 6 страницъ
ДОНЕСЪ. СОСТОИТСЯ ТОЛЬКО ОДИНЪ КОНЦЕРТЪ
извѣстной артистки.
Восхитительный и счастливый.
Х. К. Яцери Л. Исидор

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 4 (48)

Декабрь 2002 год

"Ожидание". Скульптура Александра Токарева.

Фото Олега Владимировского.

Всем

читателям

«Всемирных

одесских

новостей» —

сайт

Всемирного

клуба

одесситов

www.odessitclub.org

Во "Всемирные одесские новости" от Сергея КАЛИНЬКОВА, Одесса

Намелся!
Рассказ о судьбе капитана Назаренко по-настоящему взволновал. И так, он жив, это главное, а говорили порой черт знает что. Мы, знающие его, расстраивались, что да как, но и расстраивать было некого, и ответы были из области фреда.

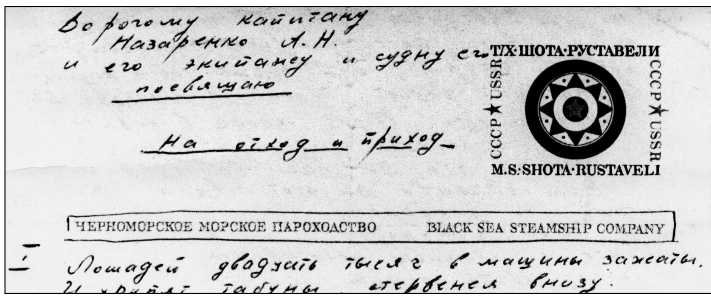
У нас, в Управлении морских путей, он возник, как легенда. Загорелый, строгий, подтянутый и дружелюбный, хотя для него новая должность капитана-наставника была, в сущности, ссылкой. Вроде бы поступило и письмо на парткомовском бланке: обсудить, осудить и наказать. Что с готовностью и устроили, напоследок лицемерно осведомившись: а достаточно ли объективно мы Вас, Александр Николаевич, излазали?

Ах, капитан Назаренко, Александр Николаевич, Сама. С Пле-

щина моста я, как правило, бросаю взгляд на твой балкон, бывший твой. На квартиру, где был синий потолок с серебряными созвездиями. Давно все прошло, и краха дочка, которую я фотографировал с куклой, теперь взрослая.

Кстати, о фотографиях. Сама Назаренко дорожила своим фотоархивом, но любезно позволила кое-что, связанное с Высоцким, переписать. Тут я вспомнил его любимое словечко — "интеллигентно", которое он произносил с нажимом и едва заметной иронией. Да, так вот, все его поведение, гулял ли он с ограмными псам или принимал экзамен штурманов, было интеллигентным в лучшем смысле и без иронии.

Итак, прощай, капитан Назаренко. А свободному человеку Александру Н. Николсону пусть покровительствует Святой Николай, надежда мореплавателей.

На снимках: авторграф Высоцкого; молодые и счастливые Сама, Марина и Володя.

От Ольги Ильинской — Глебу Павловскому

Начинаю всерьез
о тебе и себе
по пониманию и чувству

Я ненавижу правду. За то, что ее нужно говорить.

Глеб. Против него дружат разные люди. Напрасно. Он есть в каждом, кто с ним борется. Этого не понимают... Невозможно победить то, частицей чего являешься сам, — о чем я говорю? О Глебе. О том, что он — живущая в каждом стихия, обузданная мною. Мною, потому что я — слабая его половина. Я — его мера. Не сотворенная, а узнанная, когда море и небо дрогнули и вспыхнул огонь октября... — тогда заревел морской ревун в осеннем тумане и возникло то, что так сильно в Глебе и живет — в каждом.

Вы знаете эту силу, эту страсть — когда туманы колобродят, и тянет холодом, и вы ежитесь, кутаясь друг в друга...

Поэтому я не боюсь, а обладаю счастливым качеством — свободой от страха ошибок. Ведь я сама придумываю правила. Глеб такой же, только наоборот: он — сильный, не боится бояться, и потому свободен от страха ошибок. Наоборотным способом. Мы с ним не ошиблись друг в друге. И пользуемся свободой: нам нечего делить — мы две половины общей жизни. Глеб сказал мне в своем стихотворении, написанном в крещенские морозы 1976 года: "В смерти ляжем вдвоем".

С Глебом я согласна! Я и — в жизнь с ним — захопела. От этого живут наш сын и сын сына... Нормально и хорошо, слава Богу.

Мы — иначе. Мы живем, как природа — предсказуемо для тех, кто умеет провидеть. И совершенно непонятно для всех, смотрящих из обычной, как принято у людей, жизни. Люди боятся природы. И правильно. Они давно перестали быть ее частью, она отторгла их за то, что возманила себя царями.

Мы с Глебом живем, как не принято. Нас природа не отторгала: мы — тоже стихия. Я не определяла бы ее — через любовь. То, что определяет — не обозначается человеческими языками. Все, что соединило нас — это язык молнии, ударившей в волну, нас окутало брызгами соленой горечи, прожгло насковозь.

То было время листопада, и желтой печалью клены промакнули нам щеки, и трогали нас пальцы октября, одаживая бурями. И все произошло — мы с Глебом никогда не исчезнем, нас море с небом приняли в себя.

Обручальное кольцо Глеба лежит на дне, и свое я отдала прибою. Мы вернемся однажды за ним, доделаем жизнь на берегу.

А когда люди еще могли создавать легенды и мифы, они видели, как мы торопились на встречу друг с другом, и молния преломилась там, где встреча состоялась.

У нас не было много языка, чтобы обратиться к себе внимание и сказать, что так рождается свет. Из такой взаимной тяги через все мыслимые ошибки, которые совершаются людьми, сквозь драмы и трагедии — вырастаем мы друг в друга.

Осваиваем искусство жизни. То — есть счастье.

20 октября 2002 г.

В Одессу Александру Розенбойму из Москвы от Е. Гнединой

Добрый день,
уважаемый Александр Розенбойм.

Я — Евгения Гнедина, дочь Валентины Пшобиной (урожденной Аренберг), занимаюсь поиском информации о своих предках. В частности, искала в Интернете фамилию Аренберг. На этом пути, наряду со всякими провалами и неудачами, мне встретились две большие радости. Это упоминание об Александре Анисимовиче Аренберге и Ваши рассказы-исследования о Бабеле и литературной жизни Одессы (журнал "Вестник online", № 3 (288) от 31 января 2002 г.). Спасибо Вам и за то, и за другое. От Ваших рассказов повеяло давно забытым, но все равно живущим в душе — родной Одессой и ее колоритом. Меня порадовало также, что в Одессе кипит культурная и литературная жизнь (я узнала из Интернета о клубе писателей, музеях, конкурсах).

Судя по Вашему описанию, Вы сами встречались с Александром Аренбергом — дядей Сашей, как звали его у нас в семье. Я уехала из Одессы с родителями в Москву в 1934 г. Тогда дядя ходил в белой полотняной "толстовке" с длинным черным галстуком, похожим на бант. Будучи взрослой, дядю Сашу видела несколько раз — в Одессе и Москве. Тогда мне не приходило в голову расспрашивать его, маму и других родственников о прошлом, в частности, о предках. А теперь и спростило некого. От дяди Саши я запомнила один его рассказ — как его вызвали в ГубЧК, чтобы отнять драгоценности. Теперь приходится собирать данные по крохам и косвенным намекам, фотографиям и письмам. Фотографий у меня много, потому что мой дедушка Михаил Анисимович, брат дяди Саши, был фотографом. У меня есть фото дяди Саши в молодости. Если

Вы были у него дома, то, возможно, там висел и портрет моей мамы: она была красивой, и дедушка охотно делал и дарил ее портреты. В моем представлении и по рассказам мамы и родственников дядя Сама оставался как человек благородный, деликатный и в то же время остроумный и жизнерадостный, хотя он потерял свою семью. Была бы очень благодарна Вам, если бы Вы ответили на мои вопросы.

1. Где еще в Ваших и других произведениях упоминается дядя Сама? Он был знаком с Плещинским и Курочкиным, нет ли упоминаний о нем у них?

2. Очень прошу рассказать все, что Вы помните о дяде Саме. В частности, о семье. В Одессе жили еще три сестры дяди Саши: одна уехала в Палестину, две другие (Мария и Лена) умерли в Одессе. Не говорил ли он, откуда родом, откуда и когда приехал в Одессу? По некоторым данным, ранние дядя Сама и др. жили в Кишиневе, а потом в Тирасполе.

3. Знаете ли Вы что-нибудь о его единственном сыне Илье, который, как мне помнится, учился на филологическом, а в войну был военным корреспондентом и погиб? Последний раз я его видела в 1943 или 1944 году в Москве, он говорил, что женился.

4. Мне бы хотелось узнать, где и когда родились дядя Сама и его жена Берта (умерла в 1950 г. в Одессе). Если бы Вы могли порекомендовать человека, готового пойти на кладбище, разыскать могилы моих родственников и прочесть надписи на могилах, была бы очень благодарна. И, разумеется, отблагодарила бы этого человека за затраченное время и усилия так, как он этого сам пожелает.

В Одессе оставалась племянница дяди Саши — Поля Бертадская (ее муж Бер-

тадский был писателем, не эвакуировался из Одессы вместе с Полей — и погиб). Плетя Поля умерла в конце 80-х или начале 90-х г. г. Внуком дяди Саши по имени Челик (Ангель) Кизель, внук сестры А. Аренберга (Марии Котан), живет теперь с сыном (Владимир Кизель — журналист) и внуком (Меня Кизель) в США. Так что попросить некого.

Расскажу о себе. Родилась в Киеве, пять лет жила в Одессе. Окончила московский институт, была переводчицей (с нескольких европейских языков), двое детей — химик и математик, пять внуков. Теперь все живем в Германии, недалеко от Бонна. Когда мы жили в Одессе, папа работал в конторе "Заготживсырье" (почти "Рога и копыта"), а мама ездила с поклонниками и со мной на пляж. Много веселились на вечеринках, мама играла на пианино и пела. Почему-то среди знакомых было много чехистов — Миша Барон (расстреляли), Владимир Перцов.

Одессу тех лет я люблю и не забуду никогда, она — часть меня. Я осознала это вдруг сейчас, когда пишу Вам. В Одессе есть море, а это большая часть жизни. А к Москве я почти равнодушна, она большая и не близкая. В Одессе мы жили на Пушкинской, точно напротив гостиницы "Бристоль" (потом стала "Красная").

Уважаемый Александр Розенбойм, по существу, я обращаюсь к Вам с просьбами, выполнение которых требует желания, времени и усилий. Буду Вам благодарна за любую помощь и любой ответ.

Где можно прочесть что-нибудь о Вас и Вашем творчестве? В Интернете ничего не нашла. Желаю Вам и Аркадию Креймеру здоровья, всего хорошего в творчестве, делах и в семье.

Михаилу Михайловичу Жванецкому
в Одессу из Нью-Йорка от Эрнеста Брускина

Президенту Всемирного клуба одеситов Михаилу Михайловичу — нижайший поклон за отличнейшее сильное выступление в фойе-холлах 3-го ноября 2002 года в нью-йоркском "Линкольн-центре" в Манхэттене! Неугасающая энергия! Потрясающий контакт с залом! Абсолютный контакт с залом! Все точно так же, как и 10, и 20, и 30, и 40 лет назад! ФЕНОМЕНАЛЬНО! (Чтобы не сказать больше!)

Так держать!

Дорогие друзья! Уважаемые господа!

В ноябре 2002 года исполнилось 75 лет со дня открытия первого Одесского еврейского музея. Богатейшая коллекция этого музея была уничтожена. Осталось лишь частичное описание его ценностей.

Музей бесследно исчез, как и другие еврейские музеи по всему СССР.

Нам с вами предоставляется возможность повторить историю ровно через 75 лет.

В течение нескольких лет нашими сотрудниками и волонтерами

собирались материалы для будущего музея. Выпущены первая книга в серии "Еврейская Одесса", альбом старинных открыток "Приоткрытая дверь", каталог работ одесских художников-евреев, серия книг "Еврейская душа"; проведено несколько выставок.

Два года велись изыскания в городском архиве, и собранные данные представляют сегодня серьезный материал для публикаций и дальнейших исследований.

Состоявшееся в сентябре заседание одесских коллекционеров еще раз подтвердило заинтересованность одеситов в создании такого центра. Мы заручились полной поддержкой наших коллег в создании

первой экспозиции и дальнейшей профессиональной работе.

Международный статус центра "Мигдаль", репутация и обширные связи за рубежом позволяют вести нашу деятельность по сбору информации не только в Украине, но и в других странах ближнего и дальнего зарубежья.

На сегодняшний день "Мигдаль" благодаря спонсорам имеет помещение площадью 150 кв. м в центре города для последующего переоборудования его в Музей истории и культуры евреев Одессы. Это помещение нуждается в частичном переустройстве и ремонте, а также в оснащении сигнализацией и необходимой оборудовании. Хотя это

относительно небольшие средства, нашего собственного бюджета, к сожалению, недостаточно.

Мы просим вас принять посильное участие в реализации этого важного проекта, который невозможен без вашей помощи и финансовой поддержки. Мы хотим заверить вас, что ваши пожертвования будут использованы с максимальной эффективностью и полной прозрачностью для вас. При входе в музей будет установлена памятная доска с указанием имен меценатов центра.

Заранее благодарна, с уважением

председатель правления еврейского общинного центра "Мигдаль"
Кира ВЕРХОВСКАЯ.

ЗДРАВСТВУЙ, ЛЮБИМАЯ!!!

— Лучше бы ее распилили на иголки. Если бы я был бизнесменом, никогда не купил бы морально устаревшее судно.

— Никитин, наверное, в гробу переворачивается, глядя на все это.

— Весь наш флот пошел на иголки. Зачем нам столько иголок?

— Вышивать историю нашего флота. Ну, когда же ее поставят?

— Если бы это судно носило название "Эстония" или "Акапулько", нам всем было бы наплевать.

(Из разговоров встречающих на Потемкинской лестнице.)

Ворчали издававшие многое моряки, одетые празднично, с цветами и под дождем, приподнимаясь на носки и вглядываясь в горизонт. Ворчали и скрипели, как мачты на ветру, в ожидании чуда, в которое мало кто верил.

Сегодня мрачно холодно и пустынно на Одесском морвокзале, который из клокующе-бурлящего, как улей, от множества встречающе-провожающих и пассажира-туристов превратился в лакированный выставочный зал. Тогда, лет пятнадцать назад, возле причалов не хватало мест. "Пассажиры" сменяли друг друга: "Грузия", "Тарас Шевченко", "Казахстан", "Карелия", "Одесса". Кто чаще, а кто реже. Туристов,

просоленных и осчастливленных морскими ветрами, как приливом, выбрасывало на берег. С этих причалов у многих начиналось познание мира, здесь зарождались одесский юмор, любовь к свободе, креп одесский характер. Весь город жил тогда от моря, благодаря кораблям и причалам...

Нам бы обсудить, как все это произошло, как город и страна остались без самой большой в мире судоходной компании — Черноморского пароходства, без самого мощного флота. Время расставит свои акценты. Чтобы ценить, надо, наверное, потерять. Но что-то меняется, как живой организм, перестраивается, находя какие-то потаенные ресурсы и скрытые возможности.

Просыпается от спячки город, возрождаются традиции, меняются люди, их отношение к своему делу, теперь называемому этим чужим, но точным названием — бизнес.

На 16-м причале ликовали встречающие, а океанский лайнер, как слепого котенка, с задраенными иллюминаторами буксиры нежно подталкивали к родному берегу.

Семь лет "Одесса" не была в Одессе, более пяти лет находясь под арестом в Неаполе, став заложницей чиновничьей бесхозяйственности и преступной халатности. Экипаж, состоявший вначале из тридцати, а затем из де-

вяти человек, с честью отстоял судно, так и не бросив его, защищая и сохраняя до конца кусочек территории Украины, частицу Одессы. Нашу Одессу — "Одессу" — в который раз отстояли и спасли моряки.

Не все было органично в режиссуре данного праздника: полетели куда-то воздушные шары,

несуразно неслось: "...на теплоходе музыка играла..." — холостыми стреляло шампанское. Наверное, не из этого должно было состоять торжество.

Но мы дожались тебя, "Одесса"! И в тот момент, когда судно коснулось причала, резко прекратился дождь, исчезли тучи, стало пробиваться солнце, как лучик нашей общей надежды на лучшее. Тихо, никого не перебивая, с родной хрипотцой, у фигуры морячки пел Леонид Утесов: "Возвратились домой моряки"... Отрадно, что есть специалисты и просто граждане нашего города, которым безразличны его судьба, его история.

Мы занимались покупкой этого судна больше года. Переживали и волновались во время подготовки и проведения аукциона, много препятствий нам пришлось обойти, ведь желающих приобрести "Одессу" было немало. До сих пор поступают предложения и по покупке, и по ремонту с передачей в управление. Не скрою, пришлось пойти на некоторые хитрости, чтобы

вернуть это судно. И я признателен всем сотрудникам "Антарктики", всей нашей команде за сплоченность и профессионализм, — делится своими эмоциями Валерий Кравченко, президент акционерной рыбопромышленной компании "Антарктика".

— Мы ее обязательно восстановим! — говорит Александр Диордиев, директор по пассажирскому и транспортному флоту АРК "Антарктика".

Понятны ворчанье и волнение тех бывалых моряков, которые молили, ожидая "Одессу". Ее судьба сродни судьбе всего нашего пароходства. Истерзанное судно, истерзанные судьбы.

Восстановят судно, возродится и наше ЧМП, — прошептал кто-то.

Нам жить в этом удивительном городе, нам возрождать все, что с ним связано: и славу, и имя, и надежду, — совершая поступки во имя любви к ней, своей неповторимой...

Юрий ШИБАНОВ,
президент фонда социальных инициатив "Семь-Я".

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ...

Не говори с тоской: их нет, —
Но с благодарностью: были...

Алексеевых знала вся Одесса или, по крайней мере, вся морская Одесса. Знала, уважала, гордилась ими. Выходцы из херсонских мореходов, они вписали яркие страницы в историю не только отечественного, но и мирового флота.

16 мая 1932 года при входе в Аренский залив на новейшем французском пассажирском судне "Жорж Филиппар" возник пожар. Лайнер возвращался из Индокитая в Марсель, и на его борту находились свыше 600 туристов, преимущественно богатых людей. Первым на помощь поспешил танкер "Советская нефть" под командованием капитана дальнего плавания Александра Митрофановича Алексеева.

Несмотря на смертельную опасность (судно не было дегазировано после выгрузки бензина в порту Владивосток), танкер подошел на возможно близкое расстояние к горящему лайнеру и принял на борт 473 человека! Спасательная операция осложнялась тем, что проходила ночью, однако, к 6 часам утра эвакуация людей с гибнущего лайнера была завершена. Два других иностранных судна приняли на борт 233 человека.

Огромное мужество потребовалось капитану и всей команде (44 человека), чтобы успокоить и обогреть полтысячи иностранцев без одежды, обуви, документов и еды. Благодарности спасенных не было предела, а когда они добрались до своих домов, то направили в адрес капитана А.М. Алексеева в знак признательности значительные денежные средства. Однако партия и "родное правительство" позаботились о том, чтобы ни одна копейка не дошла до адресата. Единственное, чему они не могли воспрепятствовать, это награждение капитана орденом Почетного Легиона.

Умер герой-капитан в конце 50-х в бедности, и на его могиле нет даже малого памятника. Железный ржавый покосившийся крест — вот награда за спасение почти 500 человеческих жизней.

Может быть, среди читателей "ОЛ" окажутся потомки тех, кого спас А.М. Алексеев, и они откликнутся на этот очерк...

Павел Семенович Алексеев, мой отец и племянник А.М. Алексеева, начал морячить с 13 лет. Ходил на "дубках" в Очаков, Одессу, был кухарем, юнгой. Окончил мореходку и к 1936 году был уже опытным капитаном парохода "Старый большевик".

Судно с медикаментами, продовольствием, оружием неоднократно направляли в республиканскую Испанию. С огромным риском для судна, под дулом вражеских орудий капитан П.С. Алексеев заходил в порты республиканцев и успешно осуществлял выгрузку. Героизм и стойкость моряков в испанских рейсах были отмечены высокими правительственными наградами. Капитан П.С. Алексеев был награжден орденом Ленина. В 1939 году Павла Семеновича, опытного моряка, назначают капитаном парусного учебного судна "Товарищ", того самого, которым командовали легендарные капитаны Лухманов, Черный, Васильев и в честь которого назван и поныне плавающий "Товарищ". Это было весьма почетное и ответственное назначение, и П.С. Алексеев оправдал оказанное ему доверие, воспитав целую плеяду прекрасных отечественных мореходов. В 1941 году капитан Алексеев надел военную форму и стал начальником военно-лоцманской службы в Новороссийске. Под постоянными бомбежками вражеской авиации, в крошечной тьме, в шторм и холод, при отсутствии радиосвязи и навигационных огней (в целях маски-

ровки) капитан Алексеев проводил суда по минным полям и успешно высаживал десантные отряды. В случае необходимости принимал на себя командование этими отрядами.

В августе 1942 года П.С. Алексеев на лоцманском боте выполнял боевое задание. Внезапно появилась стая "юнкеров", один из них круто спикировал на бот. Одна, вторая, третья бомба — прямое попадание. Похоронен Павел Семенович в Геленджике, у Вечного огня.

В 1972 году Черноморское пароходство пополнилось построенным на верфи в Николаеве новым сухогрузом, имя которого — "Капитан Алексеев". Так человек стал пароходом, а крестной матерью этого парохода стала Татьяна Федоровна Алексеева — жена погибшего капитана и моя мать.

Легендарная женщина-моряк, она одной из первых представительниц "слабого" пола окончила штурманский факультет одесской мореходки. Более

10 лет проплавала на судах пароходства штурманом и старшим помощником капитана. После гибели отца возглавила материально-техническую службу пароходства, где проработала без малого 25 лет. От молодых докеров Одесского порта до министра морского флота — все знала, уважала, любила и... почтительно побаивалась Татьяну Федоровну. Это была удивительная женщина. Она резала "правду-матку" всем, невзирая на должность. Строгость и требовательность к себе и людям сочетались в ней с необычайной душевностью и теплотой, а ее организаторским способностям могли позавидовать даже самые высокие чины. Она была настоящей матерью теплохода "Капитан Алексеев", провожала и встречала его из каждого рейса.

Умерла Татьяна Федоровна в 1987 году, и на ее похороны пришло пол-Одессы.

Сергей АЛЕКСЕЕВ,
Москва.

Р. С. Людей, о которых я пишу, уже давно нет. Нынешнее поколение, к сожалению, почти ничего о них не знает. В Музее морского флота в Одессе когда-то была большая экспозиция, посвященная фамилии Алексеевых. Теперь ничего этого нет. На месте стенда — ларек, торгующий разной мишурой. Экспонаты бесследно исчезли. "Капитан Алексеев" пошел на слом. Грустно. Обидно, что забыты скромные труженики моря, посвятившие свои жизни процветанию и величии русского флота.

Печатается по публикации в газете "Одесский листок".

«ФЕЙЕРВЕРК И СЦЕНИЧЕСКАЯ БЕНГАЛИКА»

Как вы думаете, что самое трудное в театре музыкальной комедии? Все-таки, наверно, это, при прочих разнообразных сложностях, выбор очередной пьесы для постановки. Она должна заинтересовать людей по обе стороны рамп. Поздравим же тех, кто вспомнил и убедил коллег остановиться на старой французской комедии "Дон Сезар де Базан", написанной в сороковые годы позапрошлого столетия для знаменитого актера Фредерика-Леметра. Образованный театральный зритель вспомнит, что эта пьеса (она была сначала известна под названием "Испанский дворянин") на протяжении двух веков широко ставилась на многих европейских сценах, входила в репертуар известных гастролеров. В том числе — не раз шла в Малом театре, и даже Ермолова играла Маритану в одной из постановок. Остался в памяти ленинградский фильм-спектакль "Дон Сезар де Базан" (1957 г.) с Владимиром Честноковым и Ольгой Заботкиной в главных ролях и с мелодичной музыкой Георгия Свиридова ("Ах, Маритана, моя Маритана..." — долго напевали мы).

Значит, что-то есть в этой вроде бы заурядной мелодраме с романтическим налетом, если она почти всегда имела успех на подмостках. Авторы комедии Ф. Дюмануар и А. Деннери знали секреты занимательности, умели верно психологически очертить характеры персонажей и подать их с помощью театральной условности. В общем, как писали о них, они обладали талантом устроить на сцене "фейерверк и сценическую бенгалику".

Режиссеру Владимиру Подгородекинскому предстояло в новой постановке доказать уместность и обаяние романтического героя в наше столь прагматичное время, когда погоня за земными благами часто заслоняет понятия человеческого достоинства, чести "прежде всего", рыцарства, наконец. Сразу скажем — ему это удалось, а еще получилось изысканное зрелище, захватывающее зал яркой театральностью, иронией, заразительной актерской игрой в откровенно условных рамках сюжета.

Авторы спектакля определяют жанр его как "мюзикл в стиле джаз", но нам думается, что вышло отличное шоу, в котором "работают" все компоненты. Либретто Валентина Валового и музыка Евгения Ульяновского умело сохраняют эмоциональный накал драматургии, подчеркивая лейтмотив оптимизма мироощущения.

Большая удача спектакля "Дон Сезар де Базан" — художественное оформление и костюмы. Сценография Станислава Зайцева отличается высокой интеллектуальностью. Он всегда знает эпоху, чувствует стиль материала, обладает хорошим вкусом. В этой работе ему удастся, кажется, наполнить сцену прозрачным воздухом Италии, передать "музыку" архитектуры Неаполя XVII в. Безупречна цветовая гамма. И она прекрасно сочетается с костюмами, предложенными Еленой Лесниковой. Думаю, Одессу можно поздравить с появлением талантливого художника, способного успокоить нашу ностальгию по настоящему театральному костюму. Это не дебют. На счету Е. Лесниковой несколько очень удачных работ — вспомним хотя бы "Народный Малахий" и "Сон в летнюю ночь" в Украинском театре или же детский спектакль "Успеть в Лимпопо" в Театре музыкальной комедии. Здесь же игра, условность сюжета отлично дополняются изысканно придуманными и выполненными костюмами, радующими изобретательностью. Они также помогают хореографу Игорю Дидурко в создании забавных танцевальных номеров "забыть" о том, что в кордебалете театра сейчас почти нет мужчин. Эта проблема в данном спектакле решилась, но следующие премьеры обнаружат ее с новой силой. А пока мы умиляемся хореографиче-

ским номерам с "мушкетерами", "собачками", "бабочками", которые исполняются исключительно женским составом балета.

После спектакля можно было услышать споры об освоении театром так называемой формы "дабл-трек", когда фонограмма и живая музыка соседствуют, а то и накладываются одна на другую. Да, при этом случаются еще сбои, звукоорежиссер, хормейстер, исполнители "имеют проблемы", но они решаемы. Во всяком случае, это выход для одесского театра, получившего в свое время здание, лишенное акустики.

Повторим: комедия "Дон Сезар де Базан" часто шла с успехом на сцене, чему обычно способствовало превосходное актерское исполнение. Как приятно, что сегодня, раскисывая о последней работе Одесского театра музыкальной комедии, не нужно искать delicate обороты, говоря об исполнителях. В Подгородекинском сумел помочь артистам раскрепоститься, проявить в полной мере накопленное мастерство, доказать зрителям еще раз, что в Одессе не иссякают таланты на сцене любимого театра.

Изящно, заразительно играет Владимир Фролов дон Сезара. Его герой полон радости жизни, которую он не желает упустить. Однако за беспечностью и любовью к кутежам не теряется в нем истинный дворянин и аристократ, бесстрашный рыцарь и друг угнетенных. Благородные порывы сочетаются с азартом игрока, поэтому он так легко идет на сделку с дномом Антонио и принимает перед казнь странное предложение о женитьбе на незнакомке — это игра напоследок.

Очаровательные исполнительницы роли Маританы. Опытная актриса Ольга Оганезова и почти дебютантка Ирина Ковальская сумели передать неоднозначность своей героини. Поначалу Маритана может показаться тщеславной и излишне меркантильной, ее поглощает жажда денег, она озабочена тем, как бы собрать побольше золотых монет. Ее неудержимо влечет к блеску высшего света, знатности и богатству. Но толпа восхищается этой девчонкой, которую никто, по-видимому, не воспитывал, любит ее за таланты танцовщицы и гадалки. Знакомство с дномом Сезаром сулит свершить чудо — Маритана превращается в любящую трепетную женщину, готовую бороться за свое чувство. Она услышала фразу, за которую большинство женщин отдали бы самое дорогое: "Вам принадлежит вся моя жизнь, синьора!"

Очень забавны в ролях Маркиза и Маркизы Павел Коломийчук и Виктория Фролова. Их шарм и мастерство комедийных актеров дорогого стоит. Однако на втором спектакле Николай Завгородний и Тамара Тищенко доказали, что второй состав спектакля — это не "второй сорт", их исполнение радует каскадом шуток и легкой иронии.

Всегда интересно наблюдать за игрой Юрия Невгамонного. Его дон Антонио лишен штампов опереточного мерзавца, хотя в чем-то с его трактовкой образа можно и поспорить. В его герое должны быть не только пороки, у него имеются и человеческие слабости, и — он все же любит королеву.

Удачный дебют на нашей сцене состоялся у актера Дмитрия Фалюты, сыгравшего Лазарилью. Если первая победа не вскружит этому одаренному парнишке голову, то одесситы станут свидетелями появления еще одного комедийного актера.

В рецензии принято делать замечания. Но что-то уж очень не хочется портить себе удовольствие от хорошего спектакля. Надеемся, что он будет жизнеспособен много лет, будет идти с неослабевающим накалом эмоций.

А фейерверк в конце действительно был, хотя, по правде, и без него зрители выходили из зала в прекрасном настроении.

Татьяна ЩУРОВА.

АВРООМ ВОЛЬФ:

«ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КРУГИ СВОЯ»

В 1992 году молодой раввин Авроом Вольф, подобно многим своим соученикам по высшей иешиве в Нью-Йорке, избрал для себя нелегкий путь посланника Любавического Ребе. Он стал одним из десятков раввинов, выполняющих многотрудную задачу: способствовать возрождению еврейских общин в странах СНГ. Это событие можно толковать с двух точек зрения: как обычную кадровую процедуру и как торжество исторической справедливости.

Дело в том, что после шести лет работы в Херсоне, в 1998 году, реб Авроом стал главным раввином Одессы и Юга Украины. Синагога, в которой он ведет службу, расположена на улице Осипова и является одной из самых старых в городе. Созданная в конце XIX века (тогда улица называлась Ремесленной) на пожертвования портных, она носила имя "Малбиш ариимим" (в переводе с иврита — "Одевающий нагих"). После захвата власти большевиками синагога разделила трагическую участь сотен одесских культовых зданий, принадлежавших общинам разных конфессий. Последним раввином здесь был Зуше Фридман, после кончины которого в 1927 году его семья эмигрировала в Палестину. Среди покидавших родную Одессу была и маленькая Двойра, ставшая со временем матерью Хаи Гринберг.

"А в это время..." — так начинаются киношные истории. Наша, поверьте, не уступает им в захватывающей коллизии. Итак, в это время... В 1933 году семья Вольф, столетиями проживавшая в Нюрнберге и пользовавшаяся в городе большим уважением, спасаясь от притеснений к власти нацистов, бежала сначала в Голландию, а затем — в Землю Обетованную. Спустя десятилетия судьбы изгнанников из Советского Союза и Германии переплелись. Сразу же после бракосочетания Авроом и Хая вместе отправились в Украину... Судьбе было угодно, чтобы реб Авроом принял старую одесскую синагогу, где много лет назад вел службу дедушка его супруги — реб Зуше. Более того, его помощником стал двоюродный брат — реб Беньямин, женатый на родной сестре Хаи — Стерни. Не знаю, как вы, уважаемые читатели, но я вижу в этом руку Судьбы.

Реб Вольф имеет свое объяснение: — И наш приезд в Одессу, и возвращение в синагогу, которую можно назвать фамильной, и определенные успехи, достигнутые руководством и активистами общины "Хабад" в южном регионе страны, все это — следствие благословения великого Учителя — Любавического Ребе. Он дал мне его, направляя на службу в Украину, считая, что именно здесь, у нас, я могу принести наибольшую пользу.

Вы наверняка, обратили внимание на фразу "у нас". Вот фрагмент беседы Авроома Вольфа с делегацией израильтян, впервые приехавших в Одессу: "У вас в Тель-Авиве, Хайфе, Яффо есть улицы, названные в честь Дубнова, Жаботинского, Дизенгофа и других выдающихся деятелей еврейской культуры, основателей Государства Израиль. Так вот, господа: для вас они — легендарные личности, для нас — живые люди, которые жили в этих домах на Еврейской, Малой Арнаутской, Базарной..."

Наша беседа с лидером общины началась позже назначенного времени. Я не в обиде, так как в это утро был свидетелем его встреч с самыми разнообразными людьми. Сразу после молитвы к ребе пришли молодожены, у которых недавно родился первенец. За ними — завхоз со сметой на ремонтные работы, минут двадцать длилась беседа с директором школы, его сменил редактор газеты "Шомрей Шабос" с гранками очередного номера... Забегал тележурналист (у общины есть своя передача), но его попросили прийти вечером, пришла солидная дама, добиравшаяся признания еврейства, а за ней, со своими скорбными заботами — руководитель похоронного братства... Я знал, что на завтра реб Авроом назначил встречу с актерама еврейской труппы в Центре культуры на Малой Арнаутской, что впереди — подготовка к празднику Ханука...

— Скажите, реб Авроом, у всех Ваших коллег в мире столько забот и обязанностей?

— Разумеется, нет. В странах, где еврейская традиция не прерывалась столь трагически, столь надолго, как в Украине, России, Белоруссии, раввины являются духовными лидерами, наставниками пастырей, занимаемых в основном религиозными, культурологическими, гуманитарными аспектами жизни общины. Нам же прихо-

Реб Авроом выступает перед школьниками.

дится брать на себя также и функции финансистов, администраторов, хозяйственников. И на то есть объяснение: еще десять лет назад в Одессе и других городах Украины верующие не всегда могли собраться вдесятером (так велит канон иудаизма — Ф. К.), чтобы совершить молитву. Сегодня зал нашей и других синагог не может в праздники вместить всех прихожан. Особенно радует меня интерес, который проявляют к истории своего народа, его языку, культуре молодежь и дети-питомцы трех детсадов, трех младших и старшей школ, иешив разного уровня. Это огромный пласт общинной работы, который взяли на себя моя жена Хая и ее сестра Стерни.

— Насколько я знаю, у Вас дома — свой "детский комбинат"...

— Действительно, четверо сыновей требуют от супруги и заботы, и внимания. Она прекрасно справляется с этим, так как в своей семье она была одной из 17 детей, каждый из которых получил хорошее образование и занял достойное положение в жизни.

— За четыре года Вы стали патриотом Одессы. Назовите, пожалуйста, наиболее удивившие Вас особенности нашего города.

— Их немало, упомяну лишь две. Наши земляки поразительно доброжелательны. Только в Одессе (а я, поверьте, немало поездил по свету) таксист, прежде чем поинтересоваться, куда собирается ехать остановивший машину иностранец, спрашивает его: "Ну как вам понравился наш город?" И еще: одесситы необыкновенно привязаны к месту, где родились, и не забывают о нем никогда. Вот недавний пример. В Тель-Авиве я угадал в работнике заправочной станции выходца из СНГ и обратился к нему по-русски. Узнав, что я еще вчера был в Одессе, этот пожилой человек принялся расспрашивать меня об улице Екатерининской, где когда-то жил, о стадионе, о "Приводе"... Он признался, что, покинув Одессу 30 лет назад, так и не может избавиться от тоски по ней.

Особо, — уверен реб Авроом, — следует сказать об удивительном взаимопонимании, которое связывает нашу общину с руководителями областной, городской, районных администраций. И, разумеется, успехи, достигнутые общиной, были бы невозможны без постоянной помощи ее состоятельных и успешных прихожан — предпринимателей, банкиров, людей щедрых и не претендующих на огласку добрых дел. И это тоже старая одесская традиция.

— Есть ли у Вас в Одессе любимые уголки?

— Мы с удовольствием гуляем с детьми в парке имени Шевченко. Они, кстати, свободно говорят по-русски и то и дело поправляют мое произношение.

— Ежедневно, ежедневно верующие обращаются к Вам за советами: издавна считается, что раввин должен все знать. А какой житейский, практический совет хотели бы Вы дать всем одесситам, независимо от вероисповедания?

— Дорогие одесситы, используйте каждую возможность, чтобы делать добрые дела, так как добро делает мир светлее и чище. Чем больше добрых дел совершит каждый из нас, тем светлее и гуманней будет мир. Давайте все вместе в это мрачное и жестокое время осветим его лучами добра.

Феликс КОХРИХТ.

ТИХИЙ СВЕТ

I.

На открытии выставки Дины Михайловны Фруминой в залах музея Западного и Восточного искусства яблоку негде было упасть. Пришли почти все одесские художники. Шумели, разговаривали, толпились вокруг картин. А я ходил под стеночкой, близорукко щурясь, вглядываясь... И не слышал шума. Я слушал тишину, которая была в каждом этюде, пейзаже... Чем глубже погружался в произведение, тем отчетливее звучала эта тишина. Пространство картины не было просто созданным красками на холсте — это было духовное пространство. Главной в этих залах была особая атмосфера. Произведения словно излучали тихий свет.

А в центре зала сидела "виновница торжества". Немолодая женщина (но язык не повернется назвать ее старой), гордо посаженная голова, негромкий голос, каждое слово обдуманно и взвешено. И глядя на нее, вдруг понимаешь, где источник света в ее картинах — он в ней самой! Именно он и придавал облику художницы то качество, которое можно выразить лишь немым словом "очарование". Никакой позы, тем паче "величественной", полная, абсолютная естественность. В приветствиях и выступлениях уже прозвучали самые лестные эпитеты — но громкие похвалы, казалось, ее смущали.

А ведь у нас просто такого повода не было, чтобы высказать свои хвалы. Мы впервые увидели творчество Фруминой за семьдесят лет. Между персональными выставками 1946 года и первой небольшой выставкой "Женский портрет" в 1997 году в галерее "Мост" — полвека с хвостиком... Да и эта выставка была организована лишь стараниями искусствоведа Тамары Михайличенко, очень долго угваривавшей Дину Михайловну.

Полвека она словно старалась быть не слишком заметной. Как сказал поэт: "Быть знаменитым некрасиво"... Но Фрумина исповедовала это задолго до того, как была написана строка Пастернака. По-видимому, тут нечто общее для людей культуры, еще связанной с "серебряным веком": художник должен словно "таиться", прятаться от взглядов, не жить на публике. Ибо он хранит бездонную тишину своих душевных глубин, из которой и рождается все.

В личности Дины Михайловны меня поражает ее способность сомневаться в себе. Она не уверена, что как художник реализовалась сполна. Она говорит: "Если бы еще одна жизнь, чтобы воплотить на холстах свое нынешнее понимание живописи..." Эту выставку она готовила так долго! Я спрашивал с нетерпением: "Когда же, наконец?" А она отвечала: "Я не готова". Это она-то не готова! Сейчас выяснилось, что ее произведений хватило бы на три таких выставки. Невероятная взыскательность вкуса! Впрочем, эту взыскательность мы видим в каждом произведении.

Уже самые ранние этюды свидетельствуют о том, как высоко она ставит "планку". Максималистские, высочайшие критерии! Она пишет, словно спрашивая себя, как бы к произведению отнесся, скажем, Рафаил Фальк.

Но кроме обычных художественных критериев — есть у меня еще один критерий: насколько картины "похожи" на самого художника. В данном случае — очень похожи! В них — мягкость, женственность, изящество, утонченность, благородство, душевная умудренность... В них —

взгляд на окружающее самой художницы (никогда "чужими глазами" на мир не смотрела). Вот эта удивительная цельность, единство личности и творчества, единство нравственного и эстетического — и есть, должно быть, то, что привлекает к ней людей. До сих пор благодарны ей ее бывшие ученики. Один из них, Л. Межберг, специально приехал из Италии, помог с изданием каталога выставки, выпущенного Геннадием Группом. Преподаватель училища им. Грекова Елена Кучинская вместе со своими студентами помогла развешивать картины. Друзья провожают ее с концертов классической музыки в филармонии, которые она регулярно посещает. Зачем я говорю об этом? Чудо искусства требует и маленьких чудес в жизни, какими и являются дружба, верность, поддержка, понимание...

Студентка художественного училища с восторженными глазами сказала: "Сейчас так не пишут!" Не пишут потому, что уже уходит в прошлое эта "школа"? И научить этому уже не могут? Что, изменился сам художественный язык? А может быть, все дело в том, что редкие художники способны на такую бескомпромиссность в жизни и в искусстве (притом, что характер Фруминой отнюдь не "бойцовский", не "героический"), на такую самоотдачу, без которой не бывает шедевров...

II.

Она родилась в 1914 году в селе Троицкое (ныне Одесская область). Пятнадцатилетней девочкой приехала в Одессу с твердым намерением стать художницей. Она сразу же попадает в очень хорошие руки. В художественной школе ее учителем становится М.К. Гершенфельд, блестяще образованный человек, учившийся в Германии и Франции. На графическом факультете Одесского художественного института ее учителя — Михаил Жук, учившийся в Кракове, Теофил Фраерман, участник "Осенних салонов" в Париже, скажем так, блестящий рисовальщик, но как живописец принадлежавший к той же школе, М.Д. Муцельмахер. Все это люди с европейским кругозором — они открыли своим ученикам секреты французского импрессионизма, хотя он был в те годы запретным плодом. А потом был Киев, мастерская Ф.Г. Кричевского, эвакуация в Самарканд, дипломная работа под руководством С.В. Герасимова. Здесь же была очень важная для художницы встреча с Рафаилом Фальком. Она показала ему свои произведения, а он в знак благодарности предложил ей сыграть Шопена. Дина Михайловна говорит, что он был замечательным пианистом. Недолгий период работы в Москве. И, наконец, одно из самых значительных событий ее жизни — персональная выставка "Этюды Самарканда" и последующий разгром. Один "искусствовед" назвал ее "Ахматовой в живописи". И клеймо формалиста поставили. Но какой же у этих церберов верный нюх — чувствуют врага во всяком представителе подлинной культуры, который, естественно, не будет "колебаться вместе с линией партии".

На открытии выставки Дина Михайловна снова вспоминала о событиях 1946 года — и мне показалось, что рана, тогда нанесенная, была глубока и кровоточила всю жизнь. Вот почему пятьдесят лет прошло до очередной персональной выставки!

Она жила в себе и в мире своих картин. Самоуглубляясь. Самосовершенствуясь. А ведь нужно было зарабатывать на

жизнь, кормить семью. Когда я восхитился ее трудолюбием (столько произведений!), она ответила: "Вы ошибаетесь. Все они написаны в минуты, украденные у быта". И я вспомнил строки Мандельштама, который говорил, что поэты дышат уворованным воздухом. Так же, как и художники.

Помню свое потрясение на первой посмертной выставке А. Фрейдина (кстати, ученика Фруминой). С одной стороны — замечательные работы последних лет жизни. А с другой — громадное количество портретов, сделанных явно не по зову сердца: всяких м. б. "передовиков производства". Фрумина ни одного такого "заказного" портрета, слава Богу, не написала. Она писала лишь по собственным эскизам пейзажи и натюрморты для Худфонда. Это были настоящие работы, которые нынче считаются утерянными.

Двадцать лет преподавала она в училище имени Грекова. Очень любила своих учеников. Ушла лишь потому, что сложилась нездоровая атмосфера и кто-то поджег ее мастерскую. Среди завоевавших широкую известность учеников ее (кроме уже упомянутых Л. Межберга и А. Фрейдина) — С. Сычев, М. Ивницкий, И. Островский, Л. Межеричский (Израиль), профессора Петербургской и Киевской Академий художеств Г. Гиза и А. Басанец, многие другие...

Она учила тому, чему учили ее. Сама она была благодарной ученицей. Все, что восприняла, понесла дальше, трансформируя, находя собственные художественные приемы... Ничего не утратила, ни от чего не отреклась. Сохранила верность всем ценностям этой художественной школы. Она получила наследство — и не растратила, а умножила. Я всегда думал, что замечательные художественные произведения — глубоко укоренены в культурной почве.

III.

Первое впечатление от этих картин не укладывается в искусствоведческие формулировки. Они — живые! В них есть внутренняя жизнь, в которую вникаешь, погружаешься, отдаешься ей. А потом обнаруживаешь, что ты прожил вместе с картиной какой-то кусочек своей жизни. Этого не объяснишь секретами композиции, живописной техники. Это поверх всякого ремесла — одно из чудес подлинного искусства. А ведь сколько раз бывало: идешь по выставке и видишь работы вроде бы пристойные, но они как-то не задевают, глядя на тебя равнодушно, в них нет внутреннего импульса... Автор в них не присутствует и не обращается к тебе. Они мертвы! Словом, произошла уже давно возвещенная постмодернистами "смерть Автора".

А в этих произведениях — несуетная душевная сосредоточенность их создателя. В них нужно не только вглядываться, но и, помолчав, вслушиваться: что они скажут? А они говорят нечто давно известное, но всегда новое и неожиданное: "Мир прекрасен!" По-прежнему прекрасен — несмотря на все изменения "погоды" в обществе и любые тяготы жизни. И испытываешь катарсис. Очищение, освобождение, пусть и ненадолго, от тяжкого груза забот, чувство радостной свободы.

И лишь тогда сполна открывается присутствующая в этих произведениях гармония. "Сыном гармонии" называл поэта Блок. Но то же верно и по отношению к Художнику. Однако откуда она, гармония, в дисгармоничном

мире? Вероятно, она каким-то чудом сохранена в душе художника. И лишь тогда она может выразиться вовне. Прежде всего — как гармония цветовых отношений. Фрумина выражает все, прежде всего, через цвет, через эти самые отношения, которые у нее разработаны чрезвычайно тонко, я бы даже сказал, изысканно. Даже в самых темных по колориту произведениях присутствует внутренний свет. Можно сказать, что изображаемые предметы, цветы, лица — светятся. Особенно много света — в ранних произведениях и... в работах последних лет. А в промежутке — сдержанная цветовая гамма, свет приглушен. Ни одна краска не "кричит", все говорит тихими голосами, сливаясь в гармоничный аккорд.

Вот самаркандский этюд "Полдень. Сад Дуковича". Это образцовый, классический французский импрессионизм! Импрессионисты и их последователи как бы отпустили цвет и свет на свободу. И в дальнейшем Фрумина словно "укрощает" буйство красок, дает тонкие нюансы отношений порой всего лишь немногих тонов. Словом, это отечественный вариант импрессионизма, свойственный южнорусской школе, но у Фруминой особенно изысканный, доведенный до совершенства. Конечно, в Одессе даже и солнце не такое, как в Самарканде, свет другой, Фрумина сдержанна в средствах выражения — и порой кажется, что она доходит едва ли не до своего рода аскетизма. И вдруг, выходя в третий зал, поражаешься тому, как высветляется палитра, как светоносны работы последних лет. Дай Бог, чтобы как можно дольше продлился этот "третий период" в творчестве Дины Фруминой.

Впрочем, во всех "периодах" можно увидеть еще один постоянный мотив — искание Красоты. Мы истосковались по Красоте, и в то же время нас не устраивают ее пошлые суррогаты. Красоту нужно именно найти, "добыть", "увидеть". У Фруминой есть картины поразительной красоты! Удивительны ее цветы — они не просто декоративный мотив, они живые, они дышат, они как бы сами собой естественно располагаются в вазах. И тут особенно видны тонкость художественного мастерства, чистота цвета. Перед нами вовсе не

статичный декоративный объект — это одно из лиц, которыми глядит на нас природа.

Как живое существо, глядит на нас изображенный на многих холстах дом Бернардацци, планово превращаемый в руины... Этюд "Последнее утро". Скоро от дома ничего не останется. И мы вглядываемся в эту стену и две башенки — они, преобразованные трепетными мазками кисти, игрой света, увиденные с несомненной любовью, прекрасны!

Прекрасны и женщины на портретах. Портреты не психологичны, скорее — лиричны. Фрумина изображает не столько даже женщину, сколько саму женственность. Персонажи задумчивы, погружены в себя, в свою затаенную жизнь. Тут-то и ощущаешь в полной мере мягкость живописной манеры, отсутствие рассудочности, жесткости, конструктивной заданности. Кажется, что произведения рождаются во вдохновенной импровизации, на одном дыхании.

Нельзя не обратить внимания на довольно многочисленные автопортреты, охватывающие, кажется, все периоды жизни. Вот юная девушка. Вот зрелый художник с кистью в руке. Но я остановлюсь на двух автопортретах. Автопортрет 1950 года. Лицо строгое, угадываются сильный характер, энергия еще не растратенной молодости, а главное — несколько даже акцентированное чувство собственного достоинства. Взгляд устремлен вдаль, но и в нем словно читается некий вызов.

А вот автопортрет 1972 года. Темный колорит, аскетичная палитра, руки сомкнуты на коленях — "поза закрытости", человек словно ограждает свою суверенную территорию. Лицо совсем другое — худое, может быть, даже измученное. Раздумье, погруженность в себя. Какая уж тут "гордыня", дерзкий вызов! Скорее — мужество, стойкость, решимость быть верной себе, своим учителям, своим художественным принципам.

...Художник счастлив тем, что может передать нам, зрителям, свой взгляд на мир. И глядя его глазами, мы видим мир одухотворенным, очеловеченным... И излучающим свет.

Илья РЕЙДЕРМАН.

МИР ИВАНА ЧЕРЕВАТЕНКО

МИР ИВАНА ЧЕРЕВАТЕНКО

АКАДЕМИК ФИЛАТОВ

К 1949 году Владимир Петрович лично сделал тысячную операцию. Филатов был не только блестящим ученым, но и замечательным педагогом. Он создал свою офтальмологическую школу, воспитавшую немало профессоров и практиков-врачей, применивших новые методы лечения, разрабатанные им.

Судьба свела меня с этим ученым, необычайно интересным и приятным человеком. Желание написать очерк о нем и достигнутых институтом успехах в возвращении людям зрения привело меня на Пролетарский (Французский) бульвар, в стены этого научного учреждения.

Владимир Петрович любезно принял меня в своем кабинете и, узнав о цели визита, представил меня одному из врачей, поручив ему показать институт и ознакомиться с его работой. Тогда я впервые побывал в лабораториях и палатах института, познакомился и побеседовал с сотрудниками и врачами, получил разрешение на посещение института.

При более близком знакомстве с В.П. Филатовым мне стало известно, что род Филатовых составлял не только целый клан, но и династию врачей.

Петр Федорович Филатов, родной брат профессора, выдающегося отечественного педиатра, одного из основоположников педиатрии в России, Нила Филатова, именем которого АМН СССР была учреждена премия за лучшую научную работу в области педиатрии, и отец еще более знаменитого окулиста Владимира Петровича Филатова, был широко образованным человеком и искусным врачом, особенно как хирург. Четверо из шести братьев Петра Федоровича посвятили свою жизнь медицине. Сын Владимира Петровича Филатова, Сергей Владимирович, окончил медицинский институт и спустя годы стал заведовать отделением в институте, носящем имя отца. Дочь Сергея Владимировича — Елена Сергеевна — также офтальмолог, работает в Москве.

Владимир Петрович Филатов родился 27 февраля 1875 года в селе Михайловка Саранского уезда Пензенской губернии. После переезда семьи в Симбирск (позже — Ульяновск) он поступил в гимназию, а отец работал врачом по хирургии и глазным болезням в симбирской земской больнице. Он был очень любознательным человеком и большим любителем странствий. После Симбирска он работал врачом в разных далеких экспедициях: в Персии, на стройке шоссе из Джульфы в Тегеран, затем в Манчжурии — на строительстве железной дороги. Там, на Хинганском перевале, в 1903 году он встретился с известным кораблестроителем, участником постройки первых русских линкоров, академиком Алексеем Николаевичем Крыловым, возвращавшимся из плавания на учебном судне "Океан".

Когда началась русско-японская война, у Петра Федоровича появилось желание быть врачом в действующей армии. Он запасся рекомендациями от своего брата Нила, от московских профессоров-хирургов, собрал свои печатные статьи и явился в Мукден к главнокомандующему Красным Крестом князю Васильчикову.

Тот принял врача стоя, не подавая руки.

— Что Вам угодно?

— Я, Ваше сиятельство, хирург, был пятнадцать лет земским врачом, заведовал больницей, был затем в разных экспедициях и на постройке Манчжурской железной дороги. Манчжурию знаю, хотел бы получить службу в одном из госпиталей, имею вот рекомендацию.

— Да, знаете, сколько желающих. Я посмотрю... подумаю...

все места заняты. Позвольте, однако, эти письма.

Князь Васильчиков начал про себя читать их.

— Филатов, Петр Федорович, да это не Вы ли мне лет пятнадцать тому назад Лебедку продали?

— Я.

— Вы бы так и сказали, — он схватил Петра Федоровича за обе руки и усадил в кресло. — Ведь какая красавица-то была, какие от нее щенки пошли, ведь я породу до сих пор сохранил, чистых кровей!

Через полчаса Петр Федорович Филатов вышел от князя главным хирургом одного из самых больших полевых госпиталей.

...После окончания Симбирской гимназии Владимир Петрович

Филатов стал студентом медицинского факультета Московского университета. С 1899 по 1903 год Филатов занимал должность ординатора Московской глазной больницы, а в 1903 году был приглашен профессором Головиным в Одессу — на такую же должность в клинику глазных болезней Новороссийского университета, с которым связана вся его дальнейшая жизнь и деятельность.

В Южной Пальмире профессор Филатов жил по разным адресам: в довоенное время — на улице Гоголя, после войны — на Приморском бульваре, затем в Куликовском переулке и в последние годы своей жизни — на Пролетарском (Французском) бульваре.

Через три года В.П. Филатов был уже ассистентом клиники, а в 1908 году тридцатитрехлетний ученый защитил докторскую диссертацию. В следующем году молодой доктор наук получил приват-доцентский курс, а через три года был утвержден заведующим кафедрой и клиникой глазных болезней медицинского факультета.

Когда была закончена постройка двух трехэтажных корпусов и ряда подсобных зданий Украинского института глазных болезней им. академика В.П. Филатова, ученый со своим коллективом получил возможность широкой клинической и лабораторной разработки научных проблем.

В годы войны Филатов с частью своих учеников находился в эвакуации в Ташкенте, где институт был восстановлен в сокращенном объеме на базе эвакуированного госпиталя. В сентябре 1944 года Филатов возвратился в Одессу. Институт был разрушен и опустошен оккупантами. Прошли годы. Институт поднялся из руин и снова заработал в полную силу, возвращая зрение больным, среди которых большинство было инвалидами Великой Отечественной войны.

Владимир Петрович — крупный ученый, врач-клиницист, блестящий хирург, одаренный педагог — был интересным, любознательным и остроумным собесед-

ником. Собственно, в беседе, как правило, говорил и рассказывал больше он. В его квартире на литературные вечера собирались коллеги и ученики. Филатов был еще и одаренным художником.

В короткие периоды отдыха маститый ученый писал мемуары, а с наступлением весны жители Одессы нередко видели его на склонах Аркадии, Малого Фонтана, на берегу моря пишущим этюды.

Следует упомянуть, что в 1902 году одесским художником Кириаком Константиновичем Костанди было основано Товарищество южнорусских художников (ТЮРХ). Активное участие в его деятельности принимали писатель и художник-любитель Александр Абрамович Кипен, бывший председателем Товарищества после смерти Костанди в 1921 году, а также два профессора медицины: офтальмолог В.П. Филатов и хирург-педиатр В.П. Снежков. Кроме этого, в документах Одесского областного архива мною найдено письмо Художественного общества при Доме ученых, датированное 19 марта 1926 года и подписанное: "Председатель Филатов".

...Однажды в назначенное мне время Владимира Петровича в институте не было, и мне предложили пройти к нему на дачу, располагавшуюся рядом с территорией института. Небольшая дачка утопала в зелени деревьев, на газончиках — ковер цветов. Было жаркое лето, но на веранде, где мы сидели, была приятная прохлада. Владимир Петрович рассказывал мне о восстановлении института, работе врачей. На стенах веранды и комнат висели небольшие картины, написанные академиком медицины. В них много света, зелени, воздуха и лазурного южного теплого Черного моря, которое так любил Владимир Петрович.

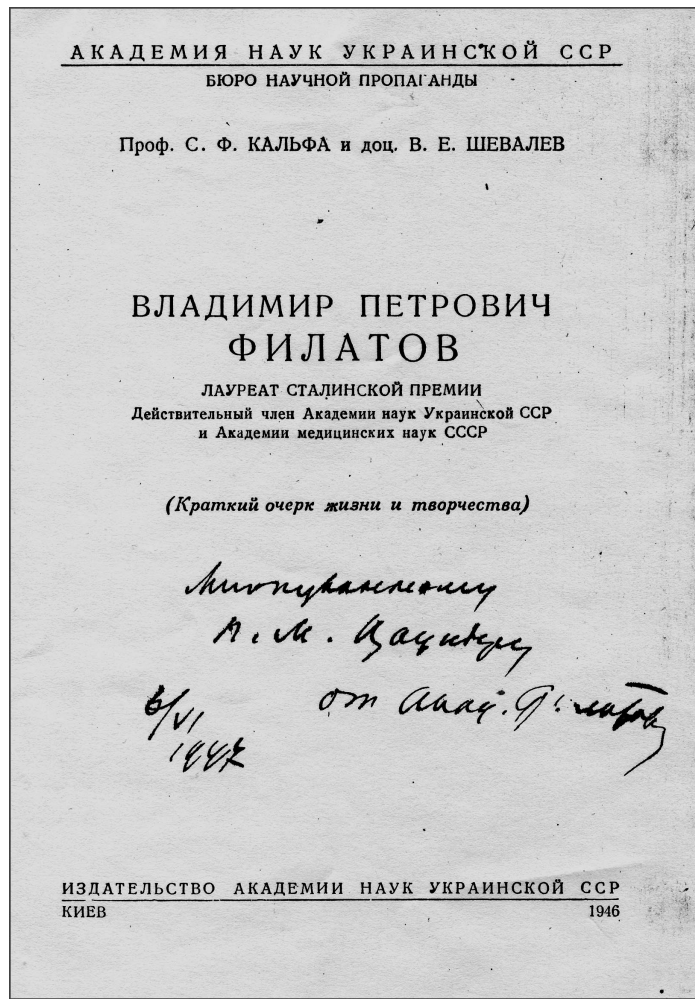
Осенью 1949 года, находясь в служебной командировке в городе Мукачево Закарпатской области, я узнал, что в санаторий, носивший имя Хрущева, расположенный в двенадцати километрах от города, приехал отдыхать Владимир Петрович с женой, Варварой Васильевной Скородинской. Мы уже были знакомы с ней по Одессе, и я решил навестить их в первый же выходной день.

...Воскресный день, когда я приехал в Берегвар, был солнечным, тихим и по-осеннему теплым. В отведенных Филатову комнатах никого не было. Зная о любви ученого к природе и его увлечении живописью, я решил побродить по лесопарку, окружавшему корпус санатория, в надежде на встречу с ним.

И действительно, среди стройных карпатских елей я увидел на складном стульчике за мольбертом знакомую фигуру профессора, а невдалеке — сидящую на траве Варвару Васильевну. Я подошел к ней тихонько, чтоб не отвлечь от работы Владимира Петровича. Она узнала меня. Мы разговаривали с ней вполголоса, сидя на траве, и обменивались впечатлениями об окружающей нас красоте.

Не прошло, вероятно, и получаса, как из-за густых зарослей вышла крестьянская женщина, держа за руку мальчика лет восьми — девяти, и направилась прямо к профессору. Остановившись в нескольких шагах от него, она, извиняясь, обратилась к доктору с просьбой помочь ее сынишке.

Когда-то давно, еще в Одессе, Варвара Васильевна рассказывала мне, что Владимир Петрович любит проводить свой отпуск в поездках по стране, упомянув и о том, что никогда и нигде ему не удастся спокойно отдохнуть больше трех дней. Весть о приезде известного профессора-окулиста была быстро разнесена по округе, и нуждающиеся в помощи

осаждают его. Начинается паломничество, которое заканчивается только с отъездом доктора. Теперь я стал невольным свидетелем того, о чем слышал раньше от жены профессора.

Филатов не отказал обратившейся к нему женщине и назначил время для встречи.

Когда Владимир Петрович, окончив свою работу, начал складывать мольберт, я подошел к нему. Он, вспомнив о наших встречах в Одессе, узнал меня и, подав руку, любезно пригласил к себе. У дверей выделенного ему помещения сидел мужчина. Приглашая меня войти в комнату, Владимир Петрович сказал ему:

— Этого молодого человека пропустайте ко мне всегда.

Мы вошли в обитель Владимира Петровича и Варвары Васильевны. Две большие просторные комнаты на первом этаже были светлыми и веселыми, через большие окна, в которые заглядывали ветви елей, были видны и блеск озера, и лесопарк.

Владимир Петрович с Варварой Васильевной отдыхали здесь около месяца в прекрасную пору сентября — октября, и я, воспользовавшись любезным приглашением, получил возможность приехать в Берегвар и встретиться с ними. Владимир Петрович всякий раз рассказывал что-нибудь о своей работе, о своих поездках и встречах и всегда затрагивал интересные и необычные темы. Однажды, рассказывая о своей увлеченности живописью, он сказал:

— В своих этюдах я рисовал море, лес, реки, небо и облака. Мы привыкли видеть облака с земли. Но когда летишь в самолете, то облака, плывущие под нами, имеют совершенно другой вид, очертания, окраску, оттенки. И мне очень хотелось бы нарисовать их оттуда, сверху.

Его слова запомнились мне и, летая на самолетах (а по роду работы мне приходилось довольно часто летать в разные районы страны), я невольно стал обращать внимание на облака, плывающие под нами. Владимир Петрович был прав. Сверху они имели совершенно другой вид.

Профессор медицины хорошо рисовал и писал маслом. Он отдавал занятиям живописью каждую свободную минуту. Говорил, что если бы не стал врачом, то обязательно был бы художником. К слову. В музее Филатова, который создан в ин-

ституте, состоялась выставка картин, написанных знаменитым ученым.

Как-то Владимир Петрович перевел разговор на совсем неожиданную для меня тему.

— Вы — геодезист по специальности, — сказал он. — Работаете с оптическими приборами. А нельзя ли применить ваш инструмент — нивелир — в медицине для определения величины опухолей? Хорошо, — продолжал он рассуждать, — когда специалисты одной профессии вторгаются в совсем другую, неизвестную им отрасль знаний. Иногда они дают очень ценные предложения и советы.

Там, в Закарпатье, у Владимира Петровича произошла очень приятная и неожиданная встреча с его бывшими пациентами. К нему в санаторий приехал рабочий одного из литейных заводов Закарпатья, по фамилии Чорба. Еще в 1937 году, двенадцать лет назад, он был в институте на лечении — на его правом глазу было бельмо. Тогда он видел только тень пальцев перед глазами. Но зрение его было спасено. Он приехал повидаться с профессором вместе со своей женой, с которой познакомился там же, в Одессе, в институте имени Филатова.

В одной из своих статей В.П. Филатов писал: "Почти за 50 лет моей офтальмологической деятельности я не имел основания разочароваться в выбранной мною еще на студенческой скамье специальности".

Когда-то американский юморист Марк Твен сказал, что смешное зрелище представляют молодой пессимист и старый оптимист. К себе, как специалисту, я не полагал бы возможным применить эту сентенцию. Мой офтальмологический оптимизм, моя вера в прогресс нашей науки поддерживаются целым рядом успехов, достигнутых офтальмологами в дорогой мне специальности".

Мне памятна и очень дороги и знакомство, и незабываемые встречи с моим земляком, выдающимся ученым, и я бережно храню приехавшую со мной за океан книжечку с дарственной надписью, сделанной академиком В.П. Филатовым тогда, на даче, пятьдесят пять лет назад, в далеком уже 1947 году.

Павел ЦАУДЕР,
Сан-Франциско.

ОДЕССИТКА ИЗ ДВОРЦА МЕДИЧИ

Эвелина Шац, с которой мы связаны долгими годами дружбы и любви, чье присутствие в нашей жизни, несмотря на редкие встречи и расстояния, никогда не исчезает, а ее многочисленные художественные таланты, принесшие ей европейскую известность, вызывают наше восхищение, в горбачевские годы сделала мне царский подарок — путешествие в Италию, где живет она уже долгие годы.

Все, кто, как и я, прожил большую часть жизни, не изведав даже малой радости от знакомства с реалиями советской поговорки про "курицу и не заграницу", поймет мое состояние после пересечения угрюмой советской границы...

В Италии моя подруга заботливо передавала меня в дома своих друзей, дававших мне приют, потому что при нашей советской нищете о номерах в отелях нечего было и помыслить.

Так я оказалась во Флоренции. Когда-то в Ленинградском университете мой любимый профессор Матвей Александрович

Гуковский, читавший нам курс итальянского Возрождения, как будто бы лично знавший Леонардо да Винчи и его окружение, отсидевший в сталинских лагерях и через меня передававший приветы в Одессу своему сокамернику А. Мерхеру, до войны — директору Еврейского музея, а после отсидки — тихому библиотекарю нашего Западного музея, так вот, Гуковский не однажды говорил: "Пишешь академическую историю Флоренции, а получается любовный и авантюрный роман"... Либо искусствоведческие очерки, скромно добавлю я от себя.

Я не пишу ни то, ни другое. Но среди многочисленных воспоминаний и впечатлений от столицы Тосканы один сюжет окрашен в одесские цвета.

Любящие Эвелину друзья и на нас, ее посланцев (а щедрая душа моей подруги очень многим открывала Италию), переносили часть этой любви и заботы. Так во Флоренции я оказалась в доме Анечки Воронцовой, родившейся во Франции в семье эмигрантов

первой волны, прапраправнучки Пушкина, из тех "европейских нежных", о которых писал Мандельштам.

Я рано утром уходила из гостеприимного дома и возвращалась поздно, впитывая, как губка, Флоренцию. Однажды Анечка попросила меня вернуться пораньше, к ужину, предупредив, что в гости пожелает почтенная дама, тоже из первой эмиграционной волны, семья которой в 1933 году покинула Европу, перебравшись в США, где со временем ожидаемая гостя стала весьма состоятельной дамой, а вот теперь в возрасте, который принято называть "элегантным", решила поселиться в нежно ею любимой Флоренции, и ее состояние позволяет ей снимать апартаменты в прославленном дворце Медичи...

К ужину появилась гостя. Почтенная синьора, одетая в скромное платье из ткани, похожей на ту, которую у нас в просторечьи называют "шотландкой", оказалась милым, общительным человеком. Елена Александровна, так она

представилась, говорила на том замечательном русском языке, который сохранился в русской эмиграции, сохранившей его от губительных влияний советского "новояза". Беседа за ужином была непринужденной и легкой, гостя была в курсе всех наших литературных новинок, следила за всеми хлынувшими на нас журнальными перестроечными публикациями, интересовалась, как я путешествую по Италии, похвалила меня, когда я призналась, что сразу же после советской границы у меня исчезла языковая "жазность" и я на лингвистическом "коктейле" объясняюсь на вокзалах, улицах и площадях Италии.

В разговоре выяснилось, что Елена Александровна — тетушка известного московского тележурналиста. По-моему, ей было приятно узнать во мне поклонницу его парадоксального ума, графически острой реакции в его знаменитых тогда теледиалогах, наконец, просто нравившегося (тогда и сейчас) европейского, западного облика... Чувствовалось, что тетуш-

ку и знаменитого племянника объединяют чувства взаимной симпатии, хоть говорила она о нем с некоторой долей любовной иронии.

Словом, ужин удался. Но вспоминаю я о нем в связи с одной фразой, произнесенной обитательницей апартаментов медичейского дворца. При знакомстве я была представлена как подруга Эвелины, приехавшая в Италию из Одессы. Елена Александровна приветливо покивала головой, а потом, вновь вернувшись к одесской теме, сказала следующее: "Я родилась в Одессе незадолго до переворота. И когда это случилось, мои родители, люди умные, поняли сразу, к чему все идет, свернули быстренько манатки и драпанули из Одессы! Больше я там не бывала".

"Клянусь под знаменем веселым", что в этой фразе я не выдумала ни одного слова! Нужно ли еще что-то говорить о vitality одесских генов и неистребимости одесского языка?!

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ.

Этот диск мне привезли из Лондона, потому что диски фирмы "Олимпия" в Израиле не продают. Называется альбом "Музыка династии Огиньских". Меня заинтриговало это название. Нам — советским — ничего не известно о династии Огиньских. Лишь с одним из них мы знакомы: с автором знаменитого Полонеза.

Мне вспоминается патетика, с которой преподносился публике Полонез Огиньского:

— Последний раз подошел композитор к роялю. Вокруг него сидели друзья по оружию, убежденные седины, закаленные в боях и походах товарищи: офицеры, генералы. На некоторых — перевязки, сквозь которые сочится кровь. Огиньский поднял руки над клавиатурой, и в зал полилась теплая, проникнутая поэтической грустью мелодия.

Скорбно-приподнятый голос лектора вещал абонементного лекторийного концерта:

— Но вот композитор доиграл последний аккорд. Ни восклицаний восторга, ни аплодисментов. Воины, патриоты Свободной Польши, сидели молча, очарованные. В долгой этой тишине вдруг мягкий, низкий голос генерала с лицом, изборожденным морщинами, тихо, отчетливо произнес: "Нееет, это не полонез. Это — прощание с Родиной". Так и закрепилось за Полонезом название: "Прощание с Родиной".

В этот вечер композитор оставил Родину навсегда.

Так писали и говорили об Огиньском и его Полонезе в советское время. При этом не забывали легендарное имя Тадеуша Костюшко, движению которого принадлежал Огиньский. За что боролись поляки? Против чего восстали? С кем воевали?

Что же это за династия? Кто он, последний ее яркий представитель? Огиньские — древний род, уходящий своими корнями к первым поколениям Рюриковичей. На протяжении веков знатная ветвь Огиньских выводила на престол великих князей Черниговских. В XVII в. уходят они на службу к великим князьям литовским. По смерти польского короля Августа III Михаль Казимир Огиньский считал себя первым кандидатом в короли Польши по знатности. Был он родолюбив, Радзивиллов, Браницких. Более того: он был великим гетманом литовским. Широко образованный Михаль Казимир обладал талантами музыканта и художника, полководца и государственного деятеля. Но владел всеми этими профессиями на уровне дилетанта. Так, он умудрился с 7 тысячами

хорошо вооруженных и снабженных воинов проиграть сражение 820-ти солдатам Суворова у польского местечка Столовичи в 1771 г. Он присоединился к конфедератам и тем отомстил Екатерине II за то, что на трон Польши она продвинула своего фаворита Станислава Понятовского. Побитый, униженный великий литовский гетман эмигрировал — бежал — в Париж.

Сохранился анекдот, согласно которому Екатерина прислала ему в Париж в качестве сюрприза флакончик нашатырного спирта — с уведомлением о конфискации его имущества и лишении всех званий и регалий. Кто после этого обвинит императрицу в отсутствии чувства юмора? А именные графа — местечко Круглое с угодьями и 2500 крестьян — было подарено Екатерине Романовне Дашковой.

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЕ ТАЙНЫ ПОЛОНЕЗА

Таков дядя нашего героя. Он был старше своего племянника на 34 года.

Михаль Клеофас Огиньский — автор Полонеза — был от природы щедро наделен талантами. Ему предсказывали блестящую дипломатическую карьеру. Но учиться он предпочел музыке. Играл на скрипке и фортепиано. Учителями его были самые яркие знаменитости того времени: русский композитор Козловский (автор российского гимна на стихи Г.Р. Державина "Гром победы, раздавайся") и итальянец Джованни Виотти — директор Парижской консерватории.

В 1789 г. 24-летний аристократ уезжает в Гаагу и Лондон для выполнения первой своей дипломатической миссии. Он возвращается домой накануне Второго раздела Речи Посполитой. Польша в подавленном состоянии, удрученная и безответная. Под впечатлением этого настроения пишет Огиньский Полонез Фа-мажор.

Проникнутый трагизмом и скорбью, Полонез сразу стал любимым до такой степени, что пронесся слух, будто композитор, написав эту пьесу, покончил с собой. Слух этот дошел до автора и немало позабавил его.

1793 год. Второй раздел Польши стал фактом. Тадеуш Костюшко возглавляет Движение сопро-

тивления вместе с генералом Домбровским. Примыкает к ним и Михаль Клеофас Огиньский. В это время он занимает должность великого литовского подскарбия, то есть министра финансов. Себя он называет "гражданин Огиньский" и отдает все свое имущество в фонд национального движения.

В этот короткий, но славный период борьбы что только с ним не случается! Были победы и поражения, он попадал в плен, приговаривался к смерти и, конечно же, бежал, переодевшись горничной. После поражения армии Костюшко Огиньский бежал в Италию. В Венеции он — один из организаторов Польских Легионов из числа эмигрантов — готовится к новому этапу борьбы за освобождение Польши. Не оставлял он и музыку. Полонезы и вальсы, мазурки и патриотические песни рождаются в нем один за другим.

Согласно некоторым источникам, он в содружестве с поэтом Йозефом Wybickim и генералом Домбровским пишет самую известную и нужную песню той незабываемой поры — Песню Легионов. Она сразу стала народной, а вскоре превратилась в национальный гимн Польши: Еще Польша не сгинела, Поки мы жийеми.

"Когда у народа есть история и литература — он никогда не забудет своего существования", — писал мемуарист и продолжал: "Юношество пело марш Домбровского и слеталось под знамена Франции, дралось и умирали в надежде заслужить внимание Европы к судьбе Польши!"

Наивный мемуарист. Корыстная, безжалостная Европа раздавила, растерзала на части Польшу, как браконьеры — медведя. А он у этой Европы внимания ищет! Движение Польских Легионов было создано Наполеоном. К нему, избавителю, едет Огиньский в Париж. Первый консул не отказывает во встрече, слушает дипломата с интересом и вниманием. Момент для возрождения Польши неподходящий. Вопрос запутанный, сложный. Но в скором будущем решить его будет возможно.

Окрыленный, вдохновленный этим великим человеком, Огиньский садится работать. Сам пи-

шет либретто и музыку одноактной оперы "Зелида и Валькур, или Бонапарт в Каире".

Между тем, на русский трон восходит Александр I. Наш граф совершает поворот на 180 градусов: он демонстрирует новому царю свое миролюбие и возвращается в Россию.

В войне 1812 г. Огиньский, как патриот Польши, не встал в строй французской армии. Как представитель общественной элиты России, он не поднял оружие против Наполеона. Он играл на скрипке и на виолончели камерную музыку, сочинял салонные пьесы, устраивал концерты для таких же, как он, дилетантов в своем имении, в Залесье (ныне Беларусь).

Но вот война окончилась. По решению Венского Конгресса Александр создал Польское королевство. Но королем Польши он объявил себя. С мечтами о неза-

висимости полякам пришлось расстаться. Как, впрочем, и после второй мировой войны... Царь не мог забыть того, что Польша не только с восторгом встречала Наполеона, но и на службу к нему шла, хотя Александр обещал ей независимость. Не мог он забыть и того, что его — победителя, изгнавшего французов, — улицы Варшавы встречали хмуро, угрюмо, холодно.

И тут, как всегда на периферии исторических событий, внезапно возникает наш — еврейский — нюанс: "Одни евреи, которым так мало доверяло наше правительство, проявили русский патриотизм, встречая восторженно нашу армию. Александр с удивлением смотрел на толпы старых и молодых евреев, которые несли ему навстречу разноцветные хоругви с его вензелями, били в барабаны, играли на трубах и литаврах, распевая горланно какие-то гимны, сочиненные еврейскими пиитами в честь русского народа, с которыми они чувствовали связь, несмотря ни на что". Так писал русский писатель-историк начала XX в. Г.И. Чулков.

До нашествия Наполеона царь Александр I не мог дать Польше независимость из стратегических соображений. Хотел, но не мог. После войны он мог это сделать. Но теперь уже не хотел.

Конечно, обида играла свою роль, но это было не главным. Тотальное недоверие к Польше и полякам развилось у Александра и его окружения. Начавшие появляться в Польше тайные общества, словно метастазы в теле, пораженном раком, вызывали озабоченность царя. Явление это было характерным и для России. Вызревали грозные события 1825 г. Но за Россию царь был спокоен. Полякам же следовало указать на их место в Российской империи.

Повальное уныние одолело поляков. Началась эмиграция лидеров освободительного движения из России. Ощущение безвыходности охватило и Огиньского. Результатом этого в 1823 г. стал полонез "Прощание с Родиной". На униженного, поработанной Родины делать ему больше было нечего. И он уехал во Флоренцию, где и умер в 1833 г.

Между фортепианным Полонезом на диске и тем, что знаем мы, мало общего. Вероятно, кто-то из советских композиторов по заданию партии, как водилось тогда, с большим талантом и мастерством обработал эту ностальгическую пьесу. Кто-то в музыкальных верхах понял, что она далека от совершенства и для классики не подходит. Поэтому в оригинальном состоянии мы ее не слышали. Уже обработанная, она появилась в советском репертуаре где-то в 50-х годах, вскоре после назначения маршала Рокоссовского военным министром Польши...

Мне могут возразить: есть много примеров обработок пьес одного автора — другим. Что здесь предосудительного? Вопрос естественный. Но совсем другое дело, когда хороший композитор тайно, украдкой обрабатывает пьесу, автор которой лишен чувства развития музыкальной мысли, пьесу, не имеющую ни формы, ни профессионально выстроенной мелодии, ни гармонического языка. Музыкальная поделка становится вдруг произведением искусства. А тот, кто создал из поделки произведение, остается анонимом. Дилетант превращается в гения. Гения делают дилетантом. И все это очень напоминает воровство.

Я люблю Полонез Огиньского. Но тот, что звучал в Москве. Не тот оригинал, что играет на диске фирмы "Олимпия" прапраправнук графа Иво Залуский. ЭТОТ ПОЛОНЕЗ не спасут никакие фиоритурные ля барокко, потому что он родился уже после революции мастеров Венской школы — Гайдна, Моцарта, Бетховена.

Леви ШААР.
Израиль.

Я вернулся в Россию в поисках собственной биографии, а главное, посетить места моих отцов, праотцев, короче говоря — предков. А были ли они у меня? Я всегда себя чувствовал сиротой. Цапля, что ли, меня принесла в клюве? И не только потому, что родители мои исчезли в бесконечности российского передела и я их фактически не знал. Меня вырастила тетя, с которой я до сих пор живу в Германии. Вероятнее всего, про нее просто-напросто забыли, когда расстреливали или навечно упрятавали моих близких.

Мы живем в маленьком ухоженном городке Фрейбург с великолепной темно-красной ратушей, в которой орган поет Бахом, а пространство принадлежит ноосфере. Там можно дышать звуками и шорохами душ, которые насытили воздух собора своими страданиями и надеждами. Наверное, сюда заходила и Цветаева. С дома, в котором она жила здесь какое-то время, исчезла табличка. Но дорога к нему не забывается. Студенты консерватории и университета из России передают память о ней, как эстафету.

Все думают, что тетя Гертруда, сестра моего отца — мне мать. В характере ее толикает качества пионеров и первооткрывателей всех народов Европы и Америки. И это не так просто. Ни для нее, ни для окружающих. Она, очевидно, бессмертна.

Москва меня встретила великолепием ночного освещения. Она стала шумной и нарядной, но автомобильные пробки засасывали человеческие мозги и силы в бездонные воронки отрицательности. Я схватил разваливающийся "Москвич" — частники, промышляющие извозом, порой любезнее и дешевле такси — и поехал по безлюдному и бездушному Щелковскому шоссе на бывшую дачу моего знатного предка. Километров тридцать невзрачной дороги, и вот — парк, дача, затерявшаяся среди санаторных корпусов из красного, крашеного кирпича с неопишным декором пятидесятых годов: смесь мексиканского революционного реализма и реализма послевоенной социалистической Европы, которая фигуру человека представляла как лагерную жертву. Оттого подобный декор всегда напоминает надгробие, украшающее ли он несурово высокие столовые или концертные помещения, смывающиеся на трибуналы Европы эпохи фашизма. Мир так необъяснимо сообщаем, если не един. И так отчаянно бьется за разделение: рас, наций, областей, семей, полов. Вот только языки хочет превратить в отвратительное единое варевое. Bleurgh! Sloosh! Strapp! Ops! Crash! Splash! И понимать не надо. Учиться давно уже вышло из моды. Наши дети просто рождаются менеджерами. Университет им тесен. Впрочем, я сам его так и не окончил. Так получилось. Но и детей у меня нет.

Наполеон, стремившийся создать единую Европу, а может, даже Евразию, как он страдал, верно, по ту сторону жизни. Как медленно и в какой духовной нищете его революционные идеи пробивают себе путь сквозь толщу неведения. Хотя крови с некоторых пор льется меньше. В поисках нового баланса страны все больше оперируют ограниченными контингентами. Так затормаживается процесс реабилитации войны. Мир не сумел победить войну. И вот уже снова в воздухе ее запах, который здесь, в этом странном отеле, все еще не выветрился.

Дача или, как сегодня сказали бы, вилла деда была отлично спланирована, некая огромная каменная изба, теплая и добротная. Сейчас там номера "люкс", сегодня VIP (по 4 и 5 комнат, даже двухэтажные) и абсолютно пустой никакой холл. На садовой скамейке перед входом в павильон VIP (корпус, как по-прежнему говорят новые администраторы ДО*) — несколько толстых теток, похожих на недобрых советских буфетниц с колясками. Такая же тетя провела меня по дому моего детства и предлагала дорогие спиртные напитки, которые держала в закуске взаперти. Бара в европейском представлении не было.

Я представляю сердитый блеск пенсне моего железного деда, кото-

рый любил порядок, нарядный блеск люстр и хрустали и почти что немецкий ordnung. А был ли он чистокровным русским? И есть ли они? Я шел по парку, в котором в прошлом веке пели экзотические птицы (помещик-немец был безумен, как всякий немец в России, она высвобождает безумие: бескрайняя равнина, по ней растекаются формы, вещества и идеи). Вместо птиц — гусиное погогатывание на зацветших прудах, застывших под плотной махитовой ряской. Лодки, стоящие на окаменевшей воде, готовые к употреблению весла. Страшно подумать, что в воду можно упасть и она проглотит тебя в мраморную зеленую суть беззвучно, безразлично. Один из прудов еще блестел зеркальным отражением деревьев. Но и это зеркало казалось каменным. И гусиный гогот был глухим и шипящим, будто клубок змей в индуистском храме забытого в джунглях

столы накрывались жестко накрахмаленными салфетками, фразе и фирменными сервизами. Прекрасные супницы до сих пор украшали столы столовой для обывателей.

Нежизнеподобное кино тридцатых годов, убрав звук, можно принять за немецкое. Почему красный или черный фашизм так возбуждал человечество? Что произошло тогда в Европе? Неужели для воспитания масс нужна военизированная форма мышления и поведения? Никто не смел бросить спичку на улице России шестидесятых (уже несколько раскрепощенных) годов. Совдеп был одержим порядком. Его инквизиторский пафос был тому гарантией. От всего этого я бежал всю жизнь. Я не знал (да и знать не хотел) родителей. Так никто и не узнает, расстреляли их или выслали за границу? Я скитался, журналист-репортер, по странам мира. Сначала все гранд-отели

роман "Сказитель из Алеппо". Когда вышел фильм, сирийцы спохватились и отказали в визе и мне. Нет больше и "Hotel l'Oasis" в Алжире. Здесь Уайльд за чашкой кофе подарил Жиду маленького музыканта. Память о пламенной дорбука нанизывает экстаз за экстазом на страницы писателя. Сюда, в отель "Оазис", Жиду пришло первое письмо Кокто, которому так и не случилось соблазнить его. Когда в семидесятые я был в Алжире, меня поселили в маленькой скромной гостинице за большой мечетью, не помню имени. Я отвез письмо и вернулся авиабилеты суженому моей парижской приятельницы. Он — крупный нефтяной и государственный деятель из влиятельного клана. Она когда-то училась с ним в Сорбонне. Это был красивый молодой белокожий алжирец, готовый на все ради любви к ней. В последнюю минуту она решила не портить ему

она годилась мне с натяжкой во внуки, но я ничего не мог с собой поделать. От нее резко пахло молодым неухоженным потом. Запах этот преследовал меня. Пока... я не познакомился с матерью.

Высокая, статная, темноглазая и темноволосая, с крепкой еще грудью и достойными бедрами, она привлекала внимание всех встречных мужчин, глаза у нее при этом хищно поблескивали. Странно и отсутствующе блеснули они, встретившись с моими, бесстрастными, как у деда, но без угрожающего пенсне. Вечером мы оказались в постели. Нас ничего не связывало. Кроме того, что она была женщиной моей жизни. Слишком поздно! Она впиалась в меня своим телом, от желания она теряла сознание. Я вел себя так, будто провел всю жизнь в постели. Она страдала и стонала от наслаждения, как бешеная кошка, обезумевшая от неожиданности. Мне казалось, я знаю ее с изнанки кожи, из недр мяса и лимфы, я стал ее кровью и потек по ее венам, я поселился в ее мыслях. Моя пустая, безвольная жизнь затрещала, как сухие дрова на молодом костре.

Однажды вечером, разбросавшись по всей постели, как остывающая от пожара Юнона, она спросила голосом, на который побежали бы звери джунглей: "Когда ты женишься на мне?" Я в ужасе выдохнул, не ожидая ни секунды, высоким фальцетом: "Ни-ког-да!" Это был конец. С тех пор в ее глазах появилась тревога и какая-то загнанность, как у тех средневековых женщин, которых таскают за волосы или бьют мужьями. Такую я не любил. Но и других больше не видел. Безумие последнего и единственного желания опустошило мой мозг, мою плоть. Душевная импотенция была заложена судьбой в Совдепе. Вот и вернулся по следам детства и юности, пытаюсь понять, как и когда меня лишили страсти, амбиции, движения. Российская плесень закрадывается в душу, в мошонку, в мозг. Из всех женщин люблю избирательной любовью тетю Гертруду из Фрейбурга. Она принадлежит поколению динозавров. Все вымерли, кроме нее.

На аллеях парка, где я рос, встречал много одиноких, подобно мне, фигур. Их ничего не связывает с миром, кроме передач по каналу "Культура". Но это, скорее, загробный мир. Люди не общаются друг с другом, не здороваются, не улыбаются, не кланяются. Так медленный яд Советов продолжает свое действие через поколение. Непромокаемые лица молодых ухоженных женщин портит злое, неприветливое, всем недовольное выражение. Маленькая девочка зло кричит: "Купи!" Теперь уже новый, безыдейный мир делил — чтоб управлять. В восемь вечера все спешит к своему телевизору. Одинокие, равнодушные друг к другу, без вождения. Здесь не случаются курортные романы. Здесь не видят друг друга мужчины и женщины. Здесь делают детей редко и по обязанности. В отместку они, когда не визжат "купи", тихи и уже одиноки и бесстрастны.

За дедовой дачей посадили в день рождения мамы березку и дуб. Сегодня это два могучих дерева. Береза проросла в ствол дуба. Дуб схватил ее в объятия своими могучими лапами. И так стоят они, впившись друг в друга последней, единственной любовью мира. От ужаса меня спас мой кузен. Мы когда-то вместе учились в МЭИ, том самом, который я так и не окончил. Он тоже жил всю жизнь за границей, а сейчас осел в Москве. Красивый, блестящий эрудит, светский и общительный, безукоризненно одет, будто вырос в Милане, с рафинированными привычками. Голубой. Он повез меня на горячий шашлык и увез в Москву, подальше от меланхолии. Единственный в стране моего детства, он говорил о любви. У дерева любви мы подобрали на память по желудю.

* ДО — Дом отдыха

** Lampar'y — латерны на баркасах для ночной рыбной ловли.

Эвелина ШАЦ.
Подмосковье, август 2002.

КОГДА Я БЫЛА МУЖЧИНОЙ

меланхолические заметки из несостоявшейся биографии

Эроса. Пекинские утки, большие, как гуси, не кричали, а скрежетали. Белые, с желтыми клювами, они разрезали каменную поверхность зеленого озера, которую должны были склевать, но озеро околдовало их, превращая в мраморные фигурки. И странным казался отвратительный запах птичьего сранья и перьев в этом застывшем в зеленом ином царстве.

В запущенном парковом лесу — остатки костра для шашлыков (по дороге из Москвы вывеска "Горячие шашлыки"), повсюду в лесу пластмасса, пивные банки, пустые бутылки. Мне казалось, что мусор забивается в легкие, как пыль, мне стало трудно дышать. Я быстрым шагом настиг бар в главном корпусе. Здесь можно было поменять валюту и за большие деньги выпить безвкусный кофе и любой спиртной напиток. Легкий запах мочи и плесени, а в холле перед туалетом резала нос хлорка. В самом баре было темно и пахло пригоревшим мясом. Дышать было нечем. В парке — перегар торфа подмосковных пожаров. Трудно найти себе место. Помещений было много. Неправдоподобно обставленных рухлядью. Весело зеленел новый бильярд. Я с трудом через кишкообразные темные коридоры выбрался в парк.

Бетонные плиты дорожек и площадки проросли травой и будто пошатнулись от тяжелого дыхания земли. Иногда в старом парке сдвигался над головой старинный необыкновенный лес — память о роскоши, о царских угодьях, об охоте и красоте. Внезапно отодвигалась кулиса, и дыхание перехватывало от неожиданно распахнувшегося, как черт из коровочки, вида на зеркальную воду, на бегущую по долу толпу лип, берез и сосен — таких высоких, что небо виднелось в далекой выси, как в колодце. Бежали белки. Вороны тревожно брызгали к темноте. Цикады цокотали о лете. Кирпичная труба завершала пейзаж: будто крематорий военных лет. (Здесь и вправду был военный госпиталь. И только после смерти деда — ведомственный дом отдыха.) Ей рифмой отвечал шпиль памятника собаке помещика, который превратили в памятник безымянному солдату.

Меня провожала по парку местная собака. Потом прибежала целая стая дворняг. Может быть, они хотели признать во мне хозяина? В номере канал "Культура" транслировал ностальгические бездарные документы о старых славных героях утонувшего континента. Будто культура исчезла вместе с ним. И нет ничего нового. И нет в стране молодых. И нет творения, воображения, жизни. И нет больше любви и стран. Я продолжал задыхаться. Подумал о красной полосе революционной карты России, которая соответствовала географии крепостного права. Неистребимого. Неужели единственное достижение — пенсионный канал "Культура"? Я подумал о деде и его соратниках — красных боярах. Долго еще в этом доме

Фотография Екатерины Голицыной.

столиц. Потом, с перестройкой, небольшие, уже богемной категории, но исторически знатные.

Есть особая прелесть в гостиницах. Ты исчезаешь в анонимате. Захлопывается дверь, и ты один в пространстве вполне соборном: столько судеб, столько интимной влаги, принадлежащей множественности, ее таинственные едва уловимые запахи. С этим набором для восприятия, свободный от данности собственной биографии, ты ложишься в постель-проститутку. Шторы затягиваются на новых ощущениях, душа освобождается от летаргии. Здесь можно исполнить последнее желание: избавить себя от всего того, что осталось за дверью номера. "Motel Suicide", так называлась песня, написанная Бодрийаром. "Hotel Las Delicias", недалеко от Буэнос-Айреса, сегодня превратился в руины. Я помню Борхеса в коридорах, с книжкой по математике. Иногда он вычислял неизмеримые небеса, вперив в них свои всевидящие глаза, вдыхая запахи предместий Androque, объятаго немилыми эвкалиптами. В "Hotel Baron" в Алеппо жила в прошлом веке около сорока писателей. И хотя "Orient Express" давно уже проходит мимо, Алеппо по-прежнему принадлежит не Сирии, а Анатолии или Месопотамии. Там я познакомился и подружился с Миром Сильверой. Еврей из Алеппо, он давно бежал с семьей в Италию. В Бароне он жил под чужой фамилией и так, рискуя, писал свой

жизнь. Родом из Москвы, она понимала, что его политическая карьера, накрепко связанная с Россией, не состоится, если состоится их свадьба. Да и встреча со мной сыграла роль в этом географическом романе. Но самым милым моей страннице-душе остается до сих пор "Albergo della Luna" в Амальфи, старинный византийский конвент, который был обителью Франсиска Ассизского. Я часами мог с его террасы наблюдать за беглыми огнями рыбацких баркасов. Lampar'y** мерцали в блестящем небо-море как с того света звезды.

Я был равнодушен к женщинам. В фильмах с татарским нашествием или старыми войнами и набегами мужчины буйствовали, а женщины с рыданиями тащились по снегу, оплакивая мужей и сыновей. Они были жалки. Я не хочу их рыданий. Конечно, иногда я заказывал ужин в отеле: свечи, вино в ведерке со льдом; или в ресторане: суши и сашими, фуа-гра и сотерн; очень редко в каком-то временном обиталище: take away из китайского рестораника, сакэ или теплое густое китайское вино. Разумная связь, игра в страсть, несколько дней привязанности, цветы, и снова — один.

Правда, несколько лет назад случилось неприятное. Продавщица в русском магазине во Фрейбурге, из русских немцев, тонкая, высокая, черноволосая девушка лет 20 стала мне снится ночью. Простовата и, наверное, не очень образованна,

ВСЕМИРНЫЙ КЛУБ ОДЕССИТОВ: ГОД 2002

В предыдущем новогоднем номере нашей клубной газеты "отчет о проделанной за год работе" был озаглавлен так: "Всемирный клуб одесситов: год 2001". Точно так же, лишь со сменой даты, я решила озаглавить рассказ о нашей жизни в 2002-м: коль уж пишем своеобразную летопись, то пусть ее главы будут объединены единым названием.

Сразу оговорюсь, что этот год не поспешил на значимые события. Попробуем вспомнить о самом-самом...

Уже традиционно во Всемирном клубе одесситов размещался пресс-центр Юморины. Мы помогали журналистам охватить все и вся, а они делали, как теперь принято говорить, "промоушн" клубу. Принимали гостей 31 марта мы и раньше, однако впервые их визит увидела вся Украина. Что значит — старые журналистские связи: мой милотетный разговор с руководителем корпункта ICTV в Одессе Анатолием Венгуром обернулся телемоном из нашего клубного подвалчика. Леонид Трушкин, Семен Альтов, "Кролики", то бишь Данилец и Моисеенко, Верка Сердючка, она же — Андрей Данилюк, наши "Маски" в лице Бори Барского и Жоры Делиева... Неплохая компания собралась, однако, не в обиду будь всем им сказано, и в этот вечер не было равных нашему президенту Михаилу Жванецкому. Кроме ТВ Михаила Михайловича в этот вечер "доставал" неугомонный воспитанник КВН из Симферополя Ефим Нухимзон: он, снова-таки по традиции, привез "алкогольные" подарки от крымских производителей вин и коньяков, на сей раз — в виде портфельчиков с горячительным, отдаленно напоминающих знаменитый писательский портфель. Был также доставлен огромный стенд с шаржевым изображением Михаила Жванецкого. Это нетленное полотно досталось клубу и теперь украшает вход в "Президент-бар" вместе с бессмертной фразой "Алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве".

Если "юморинным" пресс-центром мы были уже по привычке, то организовать прессу для освещения международного фестиваля "Джаз-карнавал" Дюка Эллингтона в первый раз. И делали мы это с удовольствием: приятно было помочь его вдохновителю — пианисту и композитору Юрию Кузнецову. Карнавал удался на славу. По Дерибасовской водили верблюда, напоминающая о "Караване" Дюка Эллингтона, у другого Дюка — де Ришелье — кучковались музыканты разных народов, чтобы затем отправиться по улицам; по маршруту № 5 ездил открытый музыкальный трамвайчик, который после остановки у "Привоза" оказался заваленным арбузами и дынями; концерты под открытым небом шли на Дерибасовской — у памятника Леониду Утесову, а в Украинском театре по вечерам давали концерты "звезды" джаза. В завершающий вечер на сцену вышел Михаил Жванецкий, на сей раз — в качестве президента "Джаз-карнавала". И его разговорно-музыкальная импровизация, без всякого преувеличения, была самой талантливой...

Надо сказать, что пресса в стенах клуба в этом году, как, впрочем, и в предыдущие, бывала часто и по разным причинам.

В частности, постоянной темой для встреч с журналистами была "социалка". Мы посчитали своим долгом перед городом, который дал нам жилище, предоставлять помещению тем, кто занимается социальными и молодежными вопросами. Разные общественные организации поднимали в стенах клуба актуальные темы помощи социально незащищенным людям, лицам, не имеющим жилья, и так далее. По сути, сотрудничество в данном направлении — это наша благотворительная деятельность.

Не один раз приглашали мы прессу и, выражаясь казенно, городскую культурную общественность и на презентации книг. А проходили эти презентации совсем не казенно. Да и какая может быть казенщина, когда собираются люди творческие? Чего стоила, на-

пример, презентация книги трех авторов — археологов, краеведов и литераторов: профессора Андрея Добролюбовского, Олега Губаря и Андрея Красножона "Борисфен. Хаджибей. Одесса". С ног на голову перевернув всю историографию Одессы, авторы были беспечны и веселы, как будто не сделали ничего серьезного. Между тем они увеличили возраст Одессы-мамы на многие сотни лет и изменили ее происхождение, доказав, что она таки да гречанка. Первый экземп-

Наш президент — в клубе!
(На презентации книги "Борисфен. Хаджибей. Одесса".)

ляр книги во время презентации был подарен президенту клуба, а второй — в клуб.

Вообще Одессе в этом году везло на книги о ней, любимой. Только у нас был представлен целый ряд таких изданий. В частности — "Юная Одесса", написанная в соавторстве членами ВКО главным архитектором города Владимиром Глазыриным и проживающим ныне за океаном Анатолием Горбатуком. В предисловии к ней все тот же Андрей Добролюбовский пишет: "В свое время будущие одесситы были собраны судьбой со всего мира. А теперь многие из них разнесены той же судьбой по всей планете. Но общее пространство наших душ остается в Одессе... Пространство наших душ остается общим до тех пор, пока в Одессе будет издавать "Всемирные одесские новости" Евгений Голубовский и редактировать "Одесский маяк" в Лос-Анджелесе Анатолий Горбатук. Пока в Австралии будет тосковать о нашем "Крае моря" (так называется книга Юрия Михайлика, изданная год назад в Одессе при участии клуба и спонсорской поддержке членов ВКО супругов Галины и Владимира Тарасовых — Г. В.) Юрий Михайлик, а в Нью-Йорке снова переживать одесский "триумф апогея" Евгений Новицкий (снова-таки, упоминается название книги Е. Новицкого — Г. В.), пока в Одессе будет возводить памятники нашим гениям Владимир Глазырин, воспевавший Молдаванку или Малую Арнаутскую Татьяна Донцова и Ростислав Александров, собирать "second hand" на одесских улицах и в строительных котлованах Олег Губарь. Пока будет присматривать за Староконным рынком и Соборкой Михаил Пойзнер".

Я привела длинную цитату еще и затем, чтобы сказать, что книги всех упомянутых авторов продаются в клубной книжной лавке, некоторые из них презентовались тоже у нас. Например, тот же "Триумф апогея" Жени Новицкого, "в девичестве" — Жени Шенкера, выпускника одесского истфака, веселого и умного человека, не лишившегося в прагматичной Америке своего одесского своеобразия и остроумия.

А Олежка Губарь представил миру уже следующую после "Second hand" книгу — "Мелкое хулиганство". "Похулиганить" вместе с автором на презентацию книги, приуроченной к его 49-летию, собра-

лись в нашем баре многие. В прес-се ошибочно сообщили, что Губарь отмечает "полтинник", и народу набегало не только званого. А Олег, оказывается, пошутил, устроив репетицию юбилея.

Хочу, однако, вернуться к теме книг об Одессе. Летом у нас в гостях побывала профессор Гарвардского университета Патриция Херлихе, которая, будучи американкой ирландского происхождения и не имеющая никаких (уникальный случай!) одесских корней, написала, по мнению специалистов, наиболее полную и последовательную историю нашего города. В Одессе П. Херлихе побывала не в первый раз, а вот в клубе — впервые. Она подарила нам свою знаменитую книгу "Одесса. Історія міста 1794 — 1914", изданную в Украине на украинском языке благодаря поддержке фонда "Відродження". Олег Сташкевич, который тоже был на этой встрече, тут же поднял вопрос о возможности издания на русском. Госпожа Херлихе отнеслась к этой идее со всей серьезностью и провела переговоры в Гарварде относительно авторских прав. Сейчас по этому поводу ведется с ней переписка, и, даст Бог, что-то из этого получится.

Коль зашла речь о гостях, то еще необходимо вспомнить скрипача Павла Верникова, ныне итальянского подданного, но по-прежнему одного из самых одесских людей. Я даже не знаю (не в обиду будь сказано самому Павлу), что произошло на меня большее впечатление: его концерт в стенах альма-матер — школы имени П.С. Столярского — или его рассказы "из прошлой жизни". Та прошлая жизнь ожила не только в рассказах Павла, но и в воспоминаниях его друзей по одесской "консе" и КВН, собравшихся в клубе.

Еще одним гостем клуба благодаря нашему вице-президенту Ва-

А совсем недавно в клубе состоялась встреча с Александрой Ильф, которую мы давно знаем и любим. Клубный вечер был приурочен к ее приезду в Одессу, а приезд, в свою очередь, к открытию фотовыставки ее отца — Ильи Ильфа, как известно, родившегося в Одессе и, что менее известно, кроме писательства занимавшегося фотографией. Александра Ильичина подарила клубу альбом "Илья Ильф — фотограф", в который вошли работы не только Ильфа, но и других мастеров, запечатлевших самого писателя за разными занятиями, в том числе — в процессе фотосъемки. В подаренном альбоме гостя оставила запись: "Всемирному клубу одесситов с любовью, а также для поддержания костра дружбы и симпатии". А в нашей памяти остались ее воспоминания об отце и его друге-соавторе Евгении Петрове.

Кстати, воспоминания звучат теперь в клубе регулярно — на встречах выпускников легендарного одесского "водного". Пришел как-то к нам один из энтузиастов этих встреч Виктор Кузнецов и напомнил, что президент ВКО — тоже выпускник "водного". Сердце наше дрогнуло, и вот "водники" уже несколько раз собирались в стенах клуба.

По-прежнему собираются у нас и фотохудожники Одессы, которые в году 2002-м провели в стенах клуба свою выставку и после ее закрытия подарили нам несколько работ.

Конечно, были еще гости, презентации книг одесских авторов, выставки картин — словом, происходила наша постоянная, с одной стороны — привычная, с другой — всегда в чем-то новая клубная работа. Был, однако, и эпизод, до сих пор не встречавшийся в клубной жизни: с 18 по 28 июля во Всемирном клубе одесситов размещалась выставка "Черный PR, Украина, 1998 — 2002". Впервые она была показана в Киеве, телесюжет с выставки нас заинтересовал. Предложение выставить ее во Всемирном клубе одесситов владелец коллекции "шедевров" украинской политической агитации Денис Богуш встретил с энтузиаз-

альманах финансово один из руководителей фирмы "Харрисонс-Транс-Сервис" Александр Мардань. Редколлегия в лице редактора Феликса Кохрихта, его зама Евгения Голубовского и Олега Губаря вместе с руководством клуба с удовольствием принимали поздравления, но не стали долго почивать на лаврах: 11-й выпуск уже сформирован и очень скоро попадет к читателю. И пора, потому что юбилейного десятилетия уже в продаже нет.

Коль перешли к издательской деятельности ВКО, нельзя не вспомнить, что в 2002-м благодаря тому же Евгению Голубовскому появилось на свет "Возвращение "Ковчега". Эта книга, изначально ставшая раритетом, вышла к 125-летию со дня рождения М.А. Володина и включила в себя репринтный сборник "Ковчег", изданный в 1920 году в Феодосии поэтами Крыма, Одессы, Москвы, а также приложение. В своем предисловии Евгений Михайлович пишет: "Есть книги, которые долгие годы мечтаешь увидеть, подержать в руках. Вроде бы они существуют, но не встречаются ни в библиотеках, ни у коллекционеров. К таким книгам относится поэтический сборник "Ковчег". И вот теперь "Ковчег" снова продолжит плавание в мировой литературе, о чем мы гордо заявили на презентации нового издания в клубе."

Публичное представление новой книги Давида Макаревского "Книга про мое", вышедшей при участии клуба также в этом году, еще не состоялось. И не должно состояться без участия автора и Михаила Михайловича Жванецкого, который взял на себя финансовое обеспечение проекта. Первая книга Давида Яковлевича, если помните, называлась "Книга про нас". Она повествовала о зарождении и деятельности в Одессе театра "Парнас-2", с которого начались Михаил Жванецкий, Виктор Ильченко и Роман Карцев и еще многие и многие. Если "Книга про нас" повествует больше о жизни всей творческой Одессы, нежели о личных переживаниях и привязанностях автора, то "Книга про мое" — скорее, наоборот.

Все или почти все, о чем я попыталась здесь вспомнить, уже нашло отражение на сайте Всемирного клуба одесситов. И его создание, возможно, самое большое событие этого года в клубной жизни. За появление и активное существование сайта отдельное большое спасибо профессору Юрию Кругляку, который его сотворил и ведет, и члену нашего клуба Леониду Рукману, который заботится о его наполнении и продвижении.

Благодаря этому достижению прогресса мы теперь действительно можем претворять в жизнь наш призыв "Одесситы всех стран, соединяйтесь!" За полгода существования сайта к нам в гости зашли почти 30 тысяч человек. Они на самом деле побывали у нас в гостях. Узнать, что новенького в клубе, а также во всей Одессе (городские новости тоже отражаются на страницах сайта), ежедневно извещают желание от 300 до 500 человек в разных странах, и не только одесситы, которые, как известно, бывшими не бывают. Уверены, что число посещений возрастет после того, как у нас появится новая страничка, которую мы будем вести совместно с Одесским государственным архивом. Теперь мы сможем помочь тем, кто давно и не раз обращался к нам с просьбой узнать что-то из истории семьи, "накопать", так сказать, генеалогические корни. Мы планируем в ближайшие дни запустить эту новую рубрику. А посему напоминаем, что посетить электронную версию Всемирного клуба одесситов можно по адресу: www.odessitclub.org.

До встреч на сайте, на страницах нашей газеты и в клубе в новом году!

Галина ВЛАДИМИРСКАЯ,
директор Всемирного
клуба одесситов.
Фото Олега Владимирского.

Так мы встречали Старый Новый год.

лерию Хаиту был московский бард, член знаменитой кавэзоновской команды Московского института нефти и газа во главе с Ярославом Харченко — Борис Щеглов. Клубный вечер собрал тех, кто помнит не только безвременное ушедшего Славу, но и славное прошлое КВН вообще. Было много песенных и словесных воспоминаний, добрых слов и искренних тостов.

А 6 сентября во Всемирном клубе одесситов собрались те, кто хотел признаться в любви кинорежиссеру Петру Тодоровскому. Его новым фильмом "Жизнь забавами полна" в Одессе открылась Неделя российского кино, что и стало поводом для приезда режиссера с супругой-продюсером в город их молодости. Петру Ефимовичу все никак не давали слово, поскольку пришедшие на встречу коллеги по Одесской киностудии и давние знакомые наперебой рассказывали о том, какой замечательный человек Тодоровский и как много у него талантов. Когда, наконец, слово дали самому Петру Ефимовичу, он, смущенно поблагодарив за добрые слова, пошутил: от потока дифирамбов ему показалось, что он в уже в гробу.

На выставке, которая и в Одессе пользовалась повышенным вниманием, были представлены образцы материалов черного PR и пропаганды. Это вовсе не означает, что клуб изменил своему правилу — быть вне политики. Просто данная выставка у нормального человека вызывает здоровый смех, а все смешное это уже наш профиль. Посмотрев выставку, Михаил Михайлович Жванецкий оставил в книге отзывов такую запись: "О таком писать сложно. Это мы со своей клеветой и ложью. Как же выбирать из нас лучших? Конечно, лучшего, умнейшего голосованием не определишь. Но и придумать что-то другое я пока не могу. Найму людей таких, как Денис, пусть они придумают. Идея выставки замечательная. Ваш почерневший Жванецкий".

А теперь — об очень важном событии в нашей жизни. В 2002 году вышел в свет 10-й, юбилейный, номер клубного литературно-художественного альманаха "Дерибасовская-Ришельевская". На его презентацию пришли авторы, журналисты, сотрудники Литмузея и Горьковки, другие гости, среди которых — неизменно поддерживающий

Владимир ПАХОМОВ

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЕ ИСТОРИИ

Более 20 лет занят восточной медициной одесский врач, кандидат медицинских наук Владимир Пахомов. Вначале делал массажи, сейчас изучает многие труды по акупунктуре, создает свою работу, старается обобщить труды восточных медиков.

Он не только теоретик. Владимир Пахомов старается практически помочь больным детям в Доме с ангелом. Но — прочтем несколько глав из его размышлений.

Китай — страна с 5000-летней историей и 7000-летней культурой. В отличие от многих цивилизаций, история и культура Китая имеет одну удивительную особенность — это тесное переплетение мифов и легенд с историческими фактами и событиями. Многие исторические личности, оставившие след в развитии китайской нации и самой страны в целом, наделены божественным началом. Не существует единой идеи или одного мифа о божественном или же научно-историческом происхождении всего сущего на земле, согласно восточным представлениям, но существует немало легенд о том, как создавался мир, в том числе и в китайской интерпретации.

Китайская мифология неотделима от истории, она изобилует именами людей, обладавших качествами богов, которые явились начинателями и строителями бытующего порядка. В древних, в том числе и медицинских источниках постоянно указывается та или иная личность, оказавшая влияние на развитие общества в целом и медицины в частности на определенном этапе. И в контексте бытующих представлений о природе всего сущего формировались взгляды по вопросам медицины, включая знания о состоянии здоровья и наличии болезни. В каждом таком источнике излагаются исторические факты, соответствующие культурному развитию и уровню знаний определенного временного периода как единое целое. Интерпретация тех или иных болезненных состояний, а также характеристика и способы лечения производятся именно в контексте бытующих общих воззрений на окружающий мир. История развития медицинских знаний берет начало именно с мифов. В частности, одна из историй происхождения широко известной монады — символа концепции инь-ян, двойственности природы и всего сущего и великого предела — Тай цзи. Многим она известна, и многие имеют представление о ее сущности, но в то же самое время многим неизвестны истоки ее происхождения.

На определенном этапе изучения восточной медицины это может показаться неважным и лишним, но для людей пытливых, широко эрудированных и желающих иметь полное представление о существе вопроса относительно восточной медицины это

может оказаться, по меньшей мере — занимательно, если не сказать — интересно. В общем, это может заключаться в следующем: эти знания важны, во-первых, для того чтобы иметь общую концепцию представлений о здоровье и болезни согласно канонам восточной философии, т. е. завершенной и цельной системы определенных знаний. Во-вторых, для умения оперировать этими знаниями, следовательно предполагая и объясняя течение болезней, степень и метод лечебного воздействия, а также возможность контролировать направленность оказываемого воздействия в сторону необходимого лечебного эффекта. В частности, всякий раз, когда предстоит оперировать какими-то знаниями для решения какой-то задачи, возникают вопросы, на которые нет определенного ответа, в этом случае всегда следует опираться на концептуальную идею — плод исторического опыта. Это касается и строительства дома, и шитья одежды, и обязательно — медицины. Ведь с самого начала изучения врачебного дела нам постоянно говорят наши учителя об уникальности каждого человека, индивидуальных особенностях его натуры и разнообразии проявлений даже одних и тех же болезней у каждого, но в разный период времени.

Так вот — монада... Самым первым из людей, в той или иной мере принимавших участие, согласно бытующей общей схеме легенд в Китае, является Пангу — человек, родившийся по одному из преданий, из космического семени или яйца, которое было прообразом Земли. По другой легенде, он был рожден соединением и циклическим взаимным превращением пяти элементов. Внутри яйца, где он находился, были хаос и тьма. Когда полость яйца для Пангу стала мала, он взломал скорлупу, чтобы выбраться наружу. Там, куда упали его руки, образовалось небо, а где стояли его ноги, образовалась земля. Силы, которые он прикладывал, направленные вверх, к чистоте и свету, образовали небо, они несли в себе концепцию ян, а густые, мутные и темные образовали землю, они заключали в себе инь. Таким образом, уже в первом человеке, появившемся на Земле, воплотилась одна из изначальных идей философских учений Китая, которая стала опираться на двой-

ственность природы, выразившуюся в теории Инь-Ян. Когда он умер, согласно тем же легендам, части его тела превратились во все сущее на Земле. Небо стали поддерживать святые горы, образовавшиеся из его тела и конечностей. В Китае существует пять святых гор даосизма, первичной религии Китая, и четыре святые горы буддизма — религии более поздней.

Следует сделать небольшое отступление и сказать несколько слов о письменности Китая. В самом начале зарождения китайского письма в качестве символов использовались пиктограммы или рисунки с изображением определенных сюжетов. В частности, существует легенда о том, как император Хуанди решил совершенствовать письменность, глядя на отпечатки лап птиц на земле, и что именно это послужило источником создания пиктографического письма.

Первые сохранившиеся записи производились на костях животных (лопатки) или панцирях черепах, а также глиняных кирпичиках и камнях. Имеется исторический факт. В 1899 году одному из заболевших чиновников династии Чин по имени Ван Ижонг в качестве лекарства были предписаны "кости дракона" Лонг гу. Он и раньше принимал это средство и знал, как и другие, о существовании каких-то знаков, начертанных на них, но в тот раз он обратил особое внимание на "магические" символы. Его, очевидно, смутил тот факт, что до сих пор ничего не было определено известно о смысле письма, которое заключали в себе надписи. Заинтересовавшись, он их сохранил, а когда поправился, стал делиться находкой с видными учеными. Как потом выяснилось, надписи были сделаны 3000 лет назад, в период правления династии Шанг. Дальнейшее детальное изучение вопроса показало, что костные пластинки были найдены в провинции Хэнань, где когда-то располагалась столица царства Шанг. Во времена, когда они были написаны, земли представляли сплошную болотистую местность, изобилующую черепаками. Кроме этого, люди всех сословий увлекались гаданием на костях. В частности, нашедшие определенный вопрос на пластинку, ее затем бросали в костер. По тому, треснула пластинка или же осталась целой, а также по характеру трещин получались определенные сведения. В связи с чем появилось название и стало часто использоваться как "кости оракула" или "гадальные кости" — цзя гу вэн.

Бронзовые надписи — цзин вэн, следующая стадия в истории письма Китая. Сохранилось множество пластинок и сосудов из бронзы с подобными надписями. Письменность на бронзовых листах или зеркалах существовала в период около 1150 — 771 гг. до н. э. В тот период еще использовалось пиктографическое письмо.

Начало использования письма с характерными иероглифами, привычными нашему восприятию, датируется примерно 5-м веком до н. э. Материалами, на которых производились записи, были полоски бамбука — цзян, а также шелковая материя — бо, которые связывались, составляя единый письменный труд. Сами надписи чаще всего делались специально

изготовленными кистями для письма — би. Шелк оказался довольно дорогостоящим материалом, и поэтому предпочтение было отдано бамбуку.

Был период в истории китайской письменности, когда тексты с заранее заготовленных форм впечатывались на какой-нибудь материал. А происходило это следующим образом: вначале изготавлилась глиняная форма или форма из другого материала (дерево, кирпич, камень), а затем производился ее оттиск на материале, коим служили чаще всего лоскуты шелка или кирпичи из обожженной глины. Иными словами, вначале сам текст выбивался или гравировался на поверхности камня, глиняного кирпича, кости или пр., а затем наносился на поверхность материала. Называлось это письмо чжуан шу, и прослужило оно чуть более 200 лет (ок. 475 — 221 гг. до н. э.).

Бумага была изобретена в период поздней династии Хань (ок. 25 — 220 гг. н. э.) и представляла была правителем Цхай Луны. И только после этого могли появиться книги в привычном для нас виде, включая и труды по вопросам медицины. В состав бумаги входили кора тутового дерева, конопля, бамбук и волокна различных растений, включая рисовую солому.

Для чего необходимо было это отступление? Ну, во-первых — для расширения кругозора, а во-вторых, и это важно, никаких книг, в привычном искомпилированном для нас виде, в том числе и по медицине, в Китае до нашей эры не было. Шелковые свитки, нити, связывавшие бамбук, при частом употреблении быстро изнашивались, превращая целый труд в разрозненные фрагменты. Стоило большого труда это все сохранять. Но...

Первым земным существом с человеческими чертами и представленным как человек, особенно последними поколениями авторов, был Фу Си. Согласно данным исторических источников, в частности, Всемирная энциклопедия мифов так представляет этого человека: Фу Си и Ню Ва, по одним легендам, брат и сестра, а по другим — муж и жена, первые из известных полубогов-полулюдей, управлявших в Китае. Обычно верхняя часть их тела изображалась человеческой, а нижняя — драконовой. Ню Ва, согласно легенде, создала первых людей из желтой земли. "...Вначале она их лепила руками, но процесс был утомительным, и она стала просто опускать ветку в жидкую грязь, поднимала ее, и стекавшие капли, падая на землю, превращались в людей", после чего земля и небо разделились. Многие — как мужчины, так и женщины — поклоняются ей как небесной свахе, а также как богине, дарящей детей. Фу Си (Бао Си — по прозвищу дракон) считается первым из трех известных мифических правителей Китая, наделенных печатью небесного происхождения. По сути, Фу Си, и это знает большинство китайцев — миф, как ни печально. С одной стороны, легенды приписывают ему изобретение письменности и музыки, рыбной ловли сетями и шелководства, изобретение лунного календаря и системы восьми триграмм — универсального закона превращения явлений жизни на Земле, а с другой — это человек-небылица. С именем Фу Си в истории и культуре связано образование порядка строения мира на основе построений сочетания и чередования сплошных и прерванных линий, позже названных янскими и иньскими, и закона восьми триграмм —

Багуа. Существует красивая китайская легенда о том, как были найдены триграммы, согласно которой, однажды Фу Си сидел на берегу реки Хэ, огромная черепаха выползла на берег, а на ее спине Фу Си обратил внимание на необычные изображения. Он их зарисовал на песке, чтобы потом изучить. Это и были схемы восьми триграмм. Фу Си поместил эти надписи в свой текст под названием "схемы реки Хэ" Хэту. Они впоследствии, согласно легенде, послужили идее возникновения письменности в Китае. Но самое важное: выводы, сделанные на основании полученных надписей, послужили основой создания системы знаний определения закономерности перемен вещей или явлений, включая человеческий организм в здоровье и болезни. Принцип целостности и взаимодействия всего сущего положен в основу всей восточной медицины как руководящий и определяющий.

Да Ю, правивший, согласно легендам, на 1000 лет позже, чем Фу Си, стал первым правителем династии Ся, а та, в свою очередь, стала первой из трех мифических династий (Ся, Шанг и Чжоу). Династия Ся стала первой из последующих династий, правителей которых соплеменники уже не выбирали по человеческим качествам и выдающимся достоинствам, как раз на этом закончилась эпоха правления пяти императоров. В результате раскопок, большей частью проведенных в 20-м веке, удалось установить, что династия Ся правила землями наиболее крупного, но не единственного государства. Но для нас важен другой факт. Да Ю, по некоторым источникам, приписывают создание новой модели закона цикла превращения явлений, названной "надписи реки Луо" Луошу. Согласно легенде, к нему, как и к Фу Си, из вод реки выползла старая черепаха с изображением восьми триграмм Багуа. Порядок расположения триграмм был отличен от предыдущих. Исходя из различия их построения и, соответственно, различия последовательности превращений, а также определенных особенностей внутри самого построения порядка, их стали различать, а поскольку имелось отличие и в хронологии их создания, то и называться они стали по-разному. Первый порядок стал носить название порядка "Раннего неба" Сяотьян багуа, а другой — "Позднего неба" Хоутьян багуа. Впоследствии оба эти источника слились в один и стали носить название: Хэту Луошу. А этот источник, в свою очередь, послужил открытию порядка преобразования 64 гексаграмм — основного закона философии древнего Китая — закона перемен — И, отображенного впоследствии в трех книгах различных эпох. Последняя завершенная версия книги о законах превращения широко известна — это "Канон перемен" или "Книга перемен" — И Цзин.

На протяжении многих столетий делались неоднократные попытки интерпретации законов двух систем размещения триграмм. Существуют знания о том, что начальный вариант "Книги перемен" появился в период правления династии Ся и служил теоретической основой определенной философской школы. Название книги того периода — "Перемены горных вершин" Лианшан И. Позднее, в период правления династии Шанг, существовала другая книга — "Выявление скрытых перемен" Гуйцанг И. Последний появилась книга "Законы превращений династии Чжоу" Чжоу И. Порядки

刮

家庭简易中医外治法

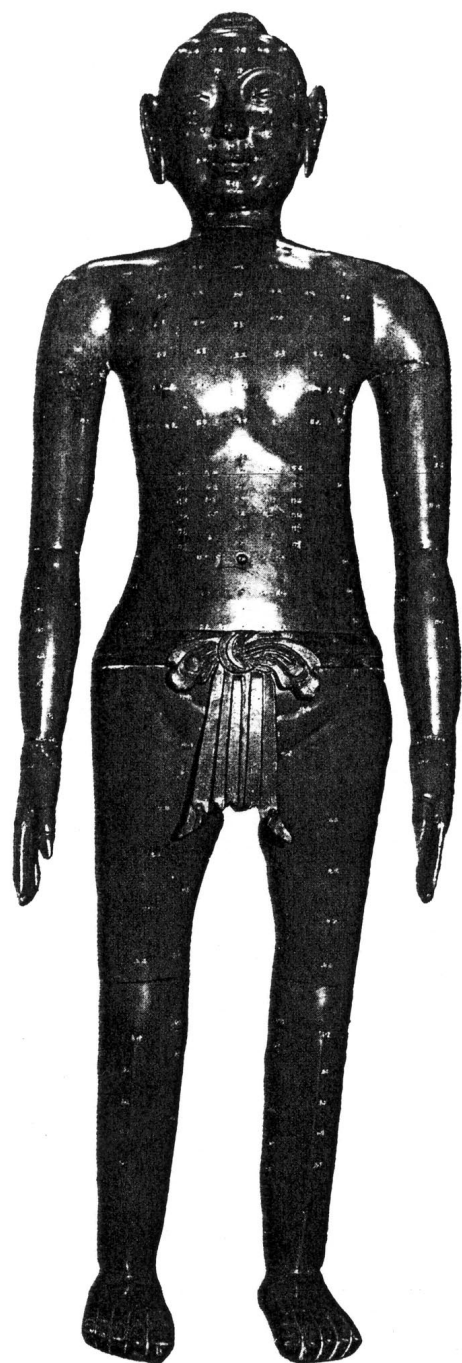
中华医学瑰宝
风靡全球的中医疗法！
最简单的工具和配方！
最健康最有效的疗法！
自己动手不求人！

刮痧配穴
制作精良
注意事项

痧

百病全消

★ 中国人民解放军音像出版社

中國針灸學

исчисления и соответствующие выводы, изложенные в каждой из книг, несколько отличны друг от друга. В частности, один пример, представляющий различие в схеме строения "Законов превращений династии Чжоу" и "Выявления скрытых перемен". Согласно первой: "Великий предел (Тай цзи) делится на два (инь и ян), далее два делится на четыре (сезоны), четыре делится на восемь (триграммы), а восемь образуют 64 гексаграммы..."; во второй сказано так: "Каждый делится на два, каждый из двух делится на три, три на девять, а девять образуют 81..." (Лао цзы, основатель даосизма, в своем ведущем труде "Законы совершенствования разума" Даода Цзин опирался именно на этот числовой порядок). К сожалению, две первые книги впоследствии были утеряны. Сохранился лишь последний вариант этого источника — книга, написанная в период правления династии Чжоу — "Законы превращений династии Чжоу" Чжоу И.

Существует легенда о создании этой книги, согласно которой, князь провинции (нынешнее название — Шанси) по имени Вэнванг (до получения императорской власти имевший собственное имя — Цзи Чанг) был заточен в тюрьму по обвинению в бунте (ок. 1042 г. до н. э.) по приказу правившего в то время императора династии Шанг. Находясь в неволе около 7 лет, он занялся самообразованием и изучением двух систем построения триграмм, а также существовавших на тот период "Книг перемен" и сумел вывести определенные правила построения порядка преобразований окружающей природы вещей. После заточения, когда Цзи Чанг было дозволено вернуться в свою провинцию, он объединил 2/3 всех провинций того времени и был готов восстать против династии Шанг, но скоростеж-

но скончался от естественных причин. Тогда его дело по устранению правящей династии продолжил его сын. Он успешно спланировал и осуществил задуманное, после чего династия Шанг прекратила свое правление. После этого сына Цзи Чанг стали называть Чжоу Вэнванг, а его самого назвали "Мудрым императором династии Чжоу" — Чжоу Вэнванг. Философская система знаний законов превращения всего сущего, как земных, так и небесных феноменов, позволяла представлять и прогнозировать события в их постоянном движении, как их собственных превращений, так окружающего и превращений их мира. В частности, именно на основании выведенных законов Вэнванг предсказал скорое падение правления династии Шанг, а также то, что следующей правящей династией станет Чжоу. Построение мирового порядка как единого целого и постоянно взаимодействующего, согласно превращениям 64 гексаграмм, установило новые основы и изменила структуру китайской цивилизации. "Законы превращений династии Чжоу" — источник китайской культуры, оказавший большое влияние на развитие астрономии, географии, метеорологии, календаря, математики, физики, химии, биологии, медицины (включая вопросы сохранения хорошего здоровья), военных искусств, философии, истории, литературы, искусства в целом, образования, фольклора, психологии, этических знаний, религии, предсказаний, Фенг Шуя и т. д. По некоторым источникам, схеме построения триграмм, известную как порядок "Позднего неба", также приписывают авторству Вэнванга. В настоящее время система 64 гексаграмм продолжает использоваться в медицине, в частности, в игло-

точек для воздействия при различных болезнях.

В 5-м веке нашей эры Конфуций написал книгу "Десять крыл" Ши И, которую чаще называют наиболее удачными комментариями к 64 гексаграммам, и после этого труд Вэнванга стал иметь завершённый вид и носить название, известное во всем мире как "Книга перемен" — И Цзин. В настоящее время "Книга перемен" переведена на многие языки и постоянно переиздается. Существуют также версии ее на русском языке и в различных интерпретациях. Важным остается одно: она явилась первым сохранившимся до наших дней античным источником системы широких знаний, давшей импульс развитию различных направлений древней науки.

Имя императора Хуанди, или Желтого императора, для китайцев считается священным. Они чтят себя его потомками. Существует множество прекрасных легенд, описывающих тот или иной подвиг императора, способ создания тех или иных новшеств, привнесенных им в жизнь. Согласно этим легендам, Хуанди, например, приписывается изобретение компаса. Исторический факт: первым известным компасом была следовавшая за Хуанди повозка, на которой находилась фигурка человека, рукой указывавшего всегда на юг, ее изготовил умелец древнего Китая — Фангбо.

Именно благодаря ей войска Желтого императора смогла ориентироваться в тумане в момент самой важной для них битвы с армией противника. По древней легенде, армия Хуанди освобождала от порабощения дикими племенами народы, населявшие берега Желтой реки — Хуанхэ, которыми правил его брат — Янди. Руководил войсками захватчиков Чиёу. Армия Чиёу на тот момент была самой вооруженной и боеспособной, в ее арсенале были различные виды оружия. Воины той армии "...имели звериные лица и тело, причем головы были из бронзы, а само лицо из железа... Они могли питаться песком и камнями...", многие из них обладали спиритическими возможностями. Вначале войска Хуанди терпели поражения, но продолжали свою борьбу. Они создавали новое вооружение, обучали диких животных нападениям на захватчиков, изготавливали специальные горы, звук которых напоминал представляемый рев дракона, вселяя ужас и смуту в стане войск Чиёу. Когда наступил день последней битвы, Чиёу наслал на войска Хуанди туман в надежде, что те потеряют ориентацию и рассеются, но, имея компас, воины Хуанди хорошо смогли ориентироваться и одержали желанную победу. В тот момент, когда Инглонг, полководец армии Хуанди, в бою убил Чиёу, с небес спустился луч солнца в виде золотого дракона и коснулся головы Хуанди. По одной из легенд, это послужило тому, что Хуанди стали считать сыном небес, а благодаря своим выдающимся данным ему удалось объединить по берегам Желтой реки в единое китайское государство все народы. Первый китайский календарь носит его имя, а главное летоисчисление по китайскому календарю ведется именно с момента начала правления Хуанди. Изготовление лодок, производство металла, а также изобретение колеса, топора, возведение крепостных стен, изготовление медных зеркал, прокладывание дорог, изготовление музыкальных инструментов, копание колодезев и многое другое стало известно в период его правления. Его жена по имени Лейцу обучала своих подданных секретам изготовления шелка и окрашивания материи. Таково значение имени Хуанди в истории Китая. Когда пришел срок, в

самый последний день жизни на земле, Хуанди собрал вокруг себя приближенных и устроил праздник, во время которого с неба спустился огненный дракон и унес в небеса великого императора. Таким образом, Хуанди является первым в Китае, кто стал бессмертным. Продолжительность его жизненного пути на земле составила около 115 лет.

Знание культуры и истории Китая позволяет более полно осмыслить суть и принципы восточной медицины, основывающейся на восточной философии, наиболее значимыми разделами которой явились теории Инь-Ян о двойном характере всего сущего и Теория пяти элементов — теория постоянного взаимодействия и превращения всего сущего. Две указанные ведущие теории способствовали развитию медицинской науки и быстро стали неотъемлемой частью медицинских знаний о патологии и физиологии функционирования органов, систем и меридианов. На их основе строилась систематизация как самих болезней, их причин возникновения и течения, так и основные принципы лечения. Это в последующем заложило фундаментную основу в главенствующий принцип ТСМ — принцип синдромальности, имеющий отношение как к представлениям о здоровье и болезнях, так и к методам лечения заболеваний.

ТСМ развивалась и распространялась путем накопления имевшихся, а также получаемых знаний, применения их на практике врачами Китая. На ранних этапах развития древние китайцы пользовались примитивными знаниями и представлениями. Они замечали, что употребление в пищу некоторых продуктов способствовало уменьшению проявлений болезни, вплоть до полного устранения. Это могли быть продукты растительной природы, различные органы и части органов животных, насекомые, а также обитатели морей. Античными врачами использовались лечебные свойства огня, холода, климатических условий и пр. Так, использование лечебных свойств огня привело к тому, что на основе полученных положительных данных были заложены теоретические и практические основы прижигания, прогревания. Очень рано в целях прогревания стали использоваться лечебные компрессы. Часто в качестве инструментов для прижигания использовались различные камни, кости, тлеющее дерево. Использование приспособлений из различных материалов диктовало принцип создания определенных правил их использования. На заре развития общественных дисциплин, в том числе и медицины, закладывались основы формирования взглядов по наблюдению за развитием закономерных процессов окружающей природы, способы отражения и анализа, а также методы воздействия, имеющие определенные цели. Выявление определенных закономерностей развития болезней и принципов их устранения породило возникновение определенных правил, в том числе и лечения. Одно из первых таких правил гласит: "Когда одна часть организма повреждена, то воздействие на другую определенную часть способствует устранению болезни".

Постепенно полученные знания об организме, болезнях стали группироваться в более сложную систему знаний, явились предпосылки к возникновению различных теорий, например: внутренних органов, меридианов, точек акупунктуры и поверхностных зон организма. Полученные данные не исчезали бесследно, они передавались последователям из уст в уста "не всякому прохожему, а только прошедшим определенные испытания", а также записыва-

лись и сохранялись как источник "хлеба насущного" для жизни и существования целых поколений врачей.

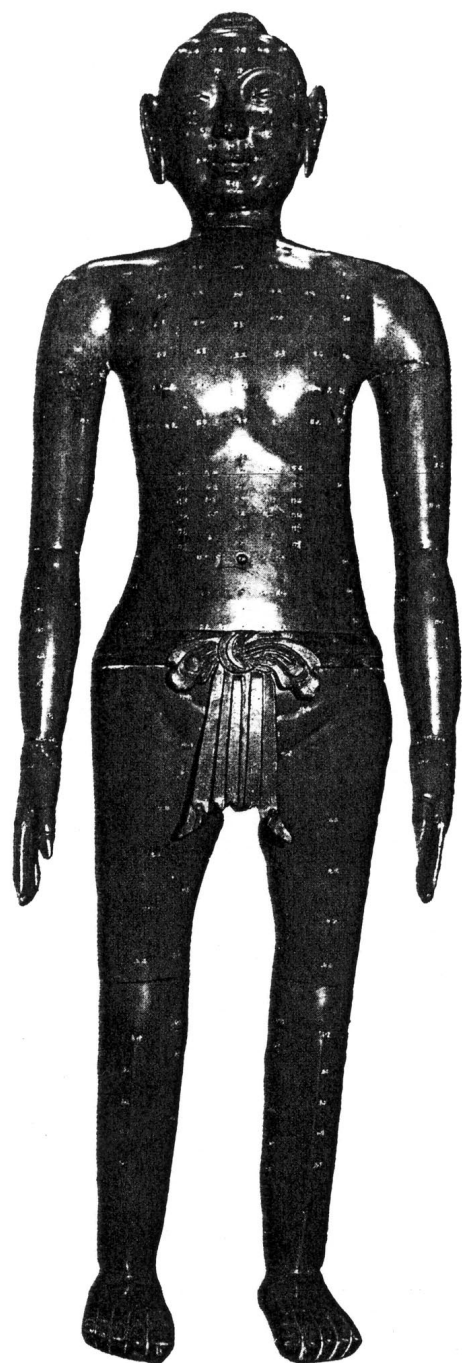
История развития общества, в том числе и Китая, разделена на два древних периода времени — палеолита (10 тыс. лет назад и более) и неолита (от 10 до 4 тыс. лет назад). На протяжении палеолита в хозяйстве разрозненных групп использовались ножи, которые изготавливались из камня. И уже тогда их стали использовать в медицинских целях для некоторых лечебных процедур. В период неолита кроме каменных ножей стали появляться каменные иглы, которые также использовались для устранения заболеваний. Ими пользовались для раздражения и стимуляции больных участков в целях устранения заболеваний. Назывались они бьянши или шичжэн, что значит "каменная игла". Кроме каменных игл, в качестве инструментария применялись и сами камни, их нагревали и прикладывали к пораженному участку. Эти камни назывались шичзю.

Постепенно, с развитием общества и появлением новых материалов — меди и бронзы, стали появляться более совершенный для того времени "инструментарий" и новые методы лечения на основе их использования. Медные иглы назывались тонгчжэн, а бронзовые — чин тонгчжэн. При раскопках руин древних поселений Китая, относящихся к эпохе неолита, были найдены различные иглы и примитивные медицинские инструменты, возраст которых датируется 1600 — 1500 гг. до н. э.

При раскопках периода длительных войн (421 — 221 гг. до н. э.) были найдены первые металлические иглы. А одна находка, датируемая 113 г. до н. э., являла миру четыре золотых и пять серебряных игл из одной безвестной усыпальницы.

Метод прижигания используется с тех пор, как люди стали замечать, что нагревание больных участков или участков боли, иногда вплоть до локального образования волдырей, способствует лечению больных. Кроме прижигания, тогда же стали использовать прогревание больных участков. Основными достоинствами этого метода считаются относительная доступность, приятность сенсорных ощущений и эффективность при адекватном применении. Материалом, использовавшимся в то время как для прогревания, так и прижигания, была древесина. Тогда использовалось тепло огня восьми пород дерева: сосны, кипариса, бамбука, мандарина, вяза, трехлистного апельсина, шелковицы и китайского финика. Позднее теоретическое обоснование свойств тепла при сжигании восьми пород дерева было описано во многих китайских источниках, например: "Жабы правила Хуанди" Хуанди Хама Цзин, "Практическое руководство" Сюпин Фанг, "Тайные медицинские знания из императорского собрания" Вайтай Мияо, "Секретные правила использования палочек для прижигания" Цицзю Синфа Яоцзю и "Ценные наблюдения из медицинской практики" Ицонг цзинцзян. Дальнейшее использование тепла пламени восьми пород дерева широкого применения не нашло. В связи с частым применением происходило грубое повреждение кожи, сосудов, мышц и нервов. Но прижигание и прогревание все же сохранились и дошли до наших дней. В качестве нагревающего материала используются тепловые свойства тления полыни в виде конусов, сигар и шариков. В настоящее время, по большей части, используются приборы с тепловыми свойствами, но на основе электрической энергии.

(Окончание
в следующем номере.)

中國針灸學

исчисления и соответствующие выводы, изложенные в каждой из книг, несколько отличны друг от друга. В частности, один пример, представляющий различие в схеме строения "Законов превращений династии Чжоу" и "Выявления скрытых перемен". Согласно первой: "Великий предел (Тай цзи) делится на два (инь и ян), далее два делится на четыре (сезоны), четыре делится на восемь (триграммы), а восемь образуют 64 гексаграммы..."; во второй сказано так: "Каждый делится на два, каждый из двух делится на три, три на девять, а девять образуют 81..." (Лао цзы, основатель даосизма, в своем ведущем труде "Законы совершенствования разума" Даода Цзин опирался именно на этот числовой порядок). К сожалению, две первые книги впоследствии были утеряны. Сохранился лишь последний вариант этого источника — книга, написанная в период правления династии Чжоу — "Законы превращений династии Чжоу" Чжоу И.

Существует легенда о создании этой книги, согласно которой, князь провинции (нынешнее название — Шанси) по имени Вэнванг (до получения императорской власти имевший собственное имя — Цзи Чанг) был заточен в тюрьму по обвинению в бунте (ок. 1042 г. до н. э.) по приказу правившего в то время императора династии Шанг. Находясь в неволе около 7 лет, он занялся самообразованием и изучением двух систем построения триграмм, а также существовавших на тот период "Книг перемен" и сумел вывести определенное правила построения порядка преобразований окружающей природы вещей. После заточения, когда Цзи Чанг было дозволено вернуться в свою провинцию, он объединил 2/3 всех провинций того времени и был готов восстать против династии Шанг, но скоропостиж-

но скончался от естественных причин. Тогда его дело по устранению правящей династии продолжил его сын. Он успешно спланировал и осуществил задуманное, после чего династия Шанг прекратила свое правление. После этого сына Цзи Чанг стали называть Чжоу Вэнванг, а его самого назвали "Мудрым императором династии Чжоу" — Чжоу Вэнванг. Философская система знаний законов превращения всего сущего, как земных, так и небесных феноменов, позволяла представлять и прогнозировать события в их постоянном движении, как их собственных превращений, так окружающего и превращений их мира. В частности, именно на основании выведенных законов Вэнванг предсказал скорое падение правления династии Шанг, а также то, что следующей правящей династией станет Чжоу. Построение мирового порядка как единого целого и постоянно взаимодействующего, согласно превращениям 64 гексаграмм, установило новые основы и изменила структуру китайской цивилизации. "Законы превращений династии Чжоу" — источник китайской культуры, оказавший большое влияние на развитие астрономии, географии, метеорологии, календаря, математики, физики, химии, биологии, медицины (включая вопросы сохранения хорошего здоровья), военных искусств, философии, истории, литературы, искусства в целом, образования, фольклора, психологии, этических знаний, религии, предсказаний, Фенг Шуя и т. д. По некоторым источникам, схеме построения триграмм, известную как порядок "Позднего неба", также приписывают авторству Вэнванга. В настоящее время система 64 гексаграмм продолжает использоваться в медицине, в частности, в игло-

точек для воздействия при различных болезнях.

В 5-м веке нашей эры Конфуций написал книгу "Десять крыл" Ши И, которую чаще называют наиболее удачными комментариями к 64 гексаграммам, и после этого труд Вэнванга стал иметь завершённый вид и носить название, известное во всем мире как "Книга перемен" — И Цзин. В настоящее время "Книга перемен" переведена на многие языки и постоянно переиздается. Существуют также версии ее на русском языке и в различных интерпретациях. Важным остается одно: она явилась первым сохранившимся до наших дней античным источником системы широких знаний, давшей импульс развитию различных направлений древней науки.

Имя императора Хуанди, или Желтого императора, для китайцев считается священным. Они чтят себя его потомками. Существует множество прекрасных легенд, описывающих тот или иной подвиг императора, способ создания тех или иных новшеств, привнесенных им в жизнь. Согласно этим легендам, Хуанди, например, приписывается изобретение компаса. Исторический факт: первым известным компасом была следовавшая за Хуанди повозка, на которой находилась фигурка человека, рукой указывавшего всегда на юг, ее изготовил умелец древнего Китая — Фангбо.

Именно благодаря ей войска Желтого императора смогла ориентироваться в тумане в момент самой важной для них битвы с армией противника. По древней легенде, армия Хуанди освобождала от порабощения дикими племенами народы, населявшие берега Желтой реки — Хуанхэ, которыми правил его брат — Янди. Руководил войсками захватчиков Чиёу. Армия Чиёу на тот момент была самой вооруженной и боеспособной, в ее арсенале были различные виды оружия. Воины той армии "...имели звериные лица и тело, причем головы были из бронзы, а само лицо из железа... Они могли питаться песком и камнями...", многие из них обладали спиритическими возможностями. Вначале войска Хуанди терпели поражения, но продолжали свою борьбу. Они создавали новое вооружение, обучали диких животных нападениям на захватчиков, изготавливали специальные горы, звук которых напоминал представляемый рев дракона, вселяя ужас и смуту в стане войск Чиёу. Когда наступил день последней битвы, Чиёу наслал на войска Хуанди туман в надежде, что те потеряют ориентацию и рассеются, но, имея компас, воины Хуанди хорошо смогли ориентироваться и одержали желанную победу. В тот момент, когда Инглонг, полководец армии Хуанди, в бою убил Чиёу, с небес спустился луч солнца в виде золотого дракона и коснулся головы Хуанди. По одной из легенд, это послужило тому, что Хуанди стали считать сыном небес, а благодаря своим выдающимся данным ему удалось объединить по берегам Желтой реки в единое китайское государство все народы. Первый китайский календарь носит его имя, а главное летоисчисление по китайскому календарю ведется именно с момента начала правления Хуанди. Изготовление лодок, производство металла, а также изобретение колеса, топора, возведение крепостных стен, изготовление медных зеркал, прокладывание дорог, изготовление музыкальных инструментов, копание колодезь и многое другое стало известно в период его правления. Его жена по имени Лейцу обучала своих подданных секретам изготовления шелка и окрашивания материи. Таково значение имени Хуанди в истории Китая. Когда пришел срок, в

самый последний день жизни на земле, Хуанди собрал вокруг себя приближенных и устроил праздник, во время которого с неба спустился огненный дракон и унес в небеса великого императора. Таким образом, Хуанди является первым в Китае, кто стал бессмертным. Продолжительность его жизненного пути на земле составила около 115 лет.

Знание культуры и истории Китая позволяет более полно осмыслить суть и принципы восточной медицины, основывающейся на восточной философии, наиболее значимыми разделами которой явились теории Инь-Ян о двойном характере всего сущего и Теория пяти элементов — теория постоянного взаимодействия и превращения всего сущего. Две указанные ведущие теории способствовали развитию медицинской науки и быстро стали неотъемлемой частью медицинских знаний о патологии и физиологии функционирования органов, систем и меридианов. На их основе строилась систематизация как самих болезней, их причин возникновения и течения, так и основные принципы лечения. Это в последующем заложило фундаментную основу в главенствующий принцип ТСМ — принцип синдромальности, имеющий отношение как к представлениям о здоровье и болезнях, так и к методам лечения заболеваний.

ТСМ развивалась и распространялась путем накопления имевшихся, а также получаемых знаний, применения их на практике врачами Китая. На ранних этапах развития древние китайцы пользовались примитивными знаниями и представлениями. Они замечали, что употребление в пищу некоторых продуктов способствовало уменьшению проявлений болезни, вплоть до полного устранения. Это могли быть продукты растительной природы, различные органы и части органов животных, насекомые, а также обитатели морей. Античными врачами использовались лечебные свойства огня, холода, климатических условий и пр. Так, использование лечебных свойств огня привело к тому, что на основе полученных положительных данных были заложены теоретические и практические основы прижигания, прогревания. Очень рано в целях прогревания стали использоваться лечебные компрессы. Часто в качестве инструментов для прижигания использовались различные камни, кости, тлеющее дерево. Использование приспособлений из различных материалов диктовало принцип создания определенных правил их использования. На заре развития общественных дисциплин, в том числе и медицины, закладывались основы формирования взглядов по наблюдению за развитием закономерных процессов окружающей природы, способы отражения и анализа, а также методы воздействия, имеющие определенные цели. Выявление определенных закономерностей развития болезней и принципов их устранения породило возникновение определенных правил, в том числе и лечения. Одно из первых таких правил гласит: "Когда одна часть организма повреждена, то воздействие на другую определенную часть способствует устранению болезни".

Постепенно полученные знания об организме, болезнях стали группироваться в более сложную систему знаний, явились предпосылки к возникновению различных теорий, например: внутренних органов, меридианов, точек акупунктуры и поверхностных зон организма. Полученные данные не исчезали бесследно, они передавались последователям из уст в уста "не всякому прохожему, а только прошедшим определенные испытания", а также записыва-

лись и сохранялись как источник "хлеба насущного" для жизни и существования целых поколений врачей.

История развития общества, в том числе и Китая, разделена на два древних периода времени — палеолита (10 тыс. лет назад и более) и неолита (от 10 до 4 тыс. лет назад). На протяжении палеолита в хозяйстве разрозненных групп использовались ножи, которые изготавливались из камня. И уже тогда их стали использовать в медицинских целях для некоторых лечебных процедур. В период неолита кроме каменных ножей стали появляться каменные иглы, которые также использовались для устранения заболеваний. Ими пользовались для раздражения и стимуляции больных участков в целях устранения заболеваний. Назывались они бьянши или шичжэн, что значит "каменная игла". Кроме каменных игл, в качестве инструментария применялись и сами камни, их нагревали и прикладывали к пораженному участку. Эти камни назывались шичзю.

Постепенно, с развитием общества и появлением новых материалов — меди и бронзы, стали появляться более совершенный для того времени "инструментарий" и новые методы лечения на основе их использования. Медные иглы назывались тонгчжэн, а бронзовые — чин тонгчжэн. При раскопках руин древних поселений Китая, относящихся к эпохе неолита, были найдены различные иглы и примитивные медицинские инструменты, возраст которых датируется 1600 — 1500 гг. до н. э.

При раскопках периода длительных войн (421 — 221 гг. до н. э.) были найдены первые металлические иглы. А одна находка, датируемая 113 г. до н. э., являла миру четыре золотых и пять серебряных игл из одной безвестной усыпальницы.

Метод прижигания используется с тех пор, как люди стали замечать, что нагревание больных участков или участков боли, иногда вплоть до локального образования волдырей, способствует лечению больных. Кроме прижигания, тогда же стали использовать прогревание больных участков. Основными достоинствами этого метода считаются относительная доступность, приятность сенсорных ощущений и эффективность при адекватном применении. Материалом, использовавшимся в то время как для прогревания, так и прижигания, была древесина. Тогда использовалось тепло огня восьми пород дерева: сосны, кипариса, бамбука, мандарина, вяза, трехлистного апельсина, шелковицы и китайского финика. Позднее теоретическое обоснование свойств тепла при сжигании восьми пород дерева было описано во многих китайских источниках, например: "Жабы правила Хуанди" Хуанди Хама Цзин, "Практическое руководство" Сюпин Фанг, "Тайные медицинские знания из императорского собрания" Вайтай Мияо, "Секретные правила использования палочек для прижигания" Цицзю Синфа Яоцзю и "Ценные наблюдения из медицинской практики" Ицонг цзинцзян. Дальнейшее использование тепла пламени восьми пород дерева широкого применения не нашло. В связи с частым применением происходило грубое повреждение кожи, сосудов, мышц и нервов. Но прижигание и прогревание все же сохранились и дошли до наших дней. В качестве нагревающего материала используются тепловые свойства тления полыни в виде конусов, сигар и шариков. В настоящее время, по большей части, используются приборы с тепловыми свойствами, но на основе электрической энергии.

(Окончание
в следующем номере.)

ГЛУМЛЕНИЕ НАД «ИСПУГАННЫМИ ИНТЕЛЛИГЕНТАМИ»

Когда я училась, ни стихов, ни прозы Ивана Бунина в школе не изучали. Стихотворение, о котором пойдет речь, ждало своего часа 73 года.

ИСТОРИЯ ПРЕДЫСТОРИИ

"Разбираю и частью рву бумаги, вырезки из старых газет. Очень милые стишки по моему адресу в "Южном рабочем" (меньшевицкая газета, издававшаяся до прихода большевиков):

*Испуган ты и с похвальбой сумбурной
Согнулся вдруг холопски пред варягом...
Это по поводу моих стихов, напечатанных в "Одесском листке" в декабре прошлого года, в день высадки в Одессе французов.*

...Какими националистами, патриотами становятся эти интернационалисты, когда им это надобно? И с каким высокомерием глумятся они над "испуганными интеллигентами" — точно решительно нет никаких причин пугаться — или над "испуганными обывателями", точно у них есть какие-то великие преимущества перед "обывателями". Да и кто, собственно, эти обыватели, "благополучные мещане"? И о ком и о чем заботятся вообще революционеры, если они так презирают среднего человека и его благополучие?". И. Бунин, "Окаянные дни".

Замечательный текст, я его трудно искала по московским кухням в 1986 году. Он мне срочно понадобился, потому что... Во-первых, я потеряла за неделю до защиты в историко-архивном институте написанную дипломную работу. Во-вторых, за два месяца до этого печального случая в Одесском областном архиве (который меня командировал на курсы усовершенствования в Москву) — нашла я неизвестное стихотворение Ивана Бунина. Оказалось, что оно вредно для всех, и для репутации Бунина тоже. Поэтому никому не нужно. И вот, раздумывая над пренеприятнейшей ситуацией, я искала выход, и меня озарило: фотокопия рукописного бунинского никому не известного стихотворения у меня есть, дипломной работы — нет, и, может быть, попробовать написать новую, заручившись поддержкой серьезных понимающих людей? Взяла я стихотворение и пошла по инстанциям, они привели в "Огонек" к редактору, Льву Никитовичу Гушину.

— Вот, — говорю, — такая история. А вот — стихотворение. Сможете опубликовать? Если да, то я статью напишу и диплом тоже, и все будет хорошо.

Лев Никитович спрашивает — когда напишете?

— Ну, если у Вас есть "Окаянные дни", то сразу и напишу.

— А зачем Вам "Окаянные дни"?

— А там что-то было по поводу этого стихотворения, мне кажется...

Только у кого же в 1986 году был самиздатовский или тамиздатовский Бунин? Даже у редактора "Огонька" его не оказалось. ("Окаянные дни" Бунина в 1989 году сразу три журнала опубликовали — "Даугава", "Литературное обозрение" и "В мире книг". Еще выходили дневники в 1935 году в берлинском издательстве "Петрополис" и в этом же 1935 году — в Лондоне, в издательстве "Заря". Именно эти издания 1935 года искала я.)

Спустя сутки сидела я в малознакомом доме (поэта Л. Коладжжой), выписывая цитату, ставшую зачином этого вот моего "мемуара". На следующий день Лев Никитович Гушин проводил меня к Олегу Никитовичу Хлебникову, любезно оставившему наедине с печатной машинкой в своем кабинете. Пока я шла к машинке, между двумя Никитовичами, задала — чтобы сбилось, чтобы я защитила и чтобы опубликовали моего Бунина. Все вышло, как загадалось. Даже рекомендацию к публикации получила, приложением к пятерке. И... благополучно не опубликовала — ни в журнале "Огонек", ни в газете "АиФ", куда унес мою дипломную работу нечаянно встретившийся на пути к публикации Владислав Алексеевич Старков, тоже пообещавший дать злому Ивану Алексеевичу Бунину — зеленый свет. Да, видно, светофор

сработал на "красное". Такое плохое, антисоветское, антигосударственное, антиленинское стихотворение — да в твердых правилах 1986-м годе — опубликовать?!

Стихотворение было опубликовано журналом "Нева" в 1991 году. Я до сих пор у всех спрашиваю: Вам попадалось, Вы знаете последнее стихотворение Бунина, про Варяга? Сегодня 2002 год, я все еще никого не встретила, кто бы знал.

ПРЕДЫСТОРИЯ ИСТОРИИ

А кто знает жизнь города лучше, чем редактор местной газеты? Я выдвигаю архивный ящик-посылку из прошлого, пахнущий клеем и скрывающий время, измеренное жизнью и трудом редактора "Одесского листка" Сергея Федоровича Штерна. Это время называется: фонд Р-156, опись № 1, единица хранения №... — а дальше дела, дела, различаемые по инвентарным номерам, заголовкам и датам.

Год 1918, декабрь. В это время в Одессе, в домике, сползающем с обрыва в море, жил Иван Бунин, усталый и раздраженный. И почерк у него был резкий, с буквой "Т", словно перечеркнутый знак восклицания.

Открываю дело № 38. Удивительно и незабываемо бежит по обычной, в голубую линейку, бумаге нервный бунинский почерк с просьбой к редактору: "В том тексте, что Вы мне прислали, я сделал поправки, но думаю, что там их трудно разобрать. Вот вам текст, который и прошу воспроизвести как можно точнее. Ив. Бунин".

ИСТОРИЯ

Читаю о Буине все, что нахожу: должно же быть где-то что-то об этом стихотворении... И вдруг в "Окаянных днях" нахожу то, что позволяет точно датировать стихотворение. На листочке, отправленном Бунным Штерну, стоит декабрь 1918 г. А в "Дневнике" — "...в декабре прошлого года, в день высадки в Одессе французов".

Они там три дня высаживались, французы — 27, 28, 29-го. Хорошо бы отыскать саму публикацию. Увы — многое унес и припрятал этот переломный одесский год.

Вот и сошлись у меня даты и тексты, потери и находки. Хочу, чтобы строчкой к строчке возвратилась память об этих днях, пусть "окаянных", изо всех загранич туда, где ей надлежит быть. Если написано это родным языком, многострадальным — о многом страдании.

Мне говорили: "Что ты, это непубликабельное стихотворение, и к тому же не лучшее бунинское".

От поэта, покидающего Родину на изломе судьбы, ожидали стихов светлых, вне сомнений, страха и упрека? Чтобы удобнее уложились в избранные сочинения?

Иван Алексеевич писал так, как жил и как думал в окаянные дни, мучаясь. Не принимая. Честно. Ибо лгать не мог:

*И боль, и стыд, и радость. Он идет,
Великий день — опять, опять Варягу
Вручает обезумевший народ
Свою судьбу и темную отвагу.*

*Да будет так. Привет тебе, Варяг!
Во имя человечности и Бога,
Сорви с кровавой бойни наглый стяг,
Смири скота, низвергни демагога.*

*Довольно слез, что исторгал злодей
Под этим стягом "равенства и счастья"! Довольно площадных вождей
И мнимого народовластья!*

Ив. Бунин. 1918 г.

Это, может быть, последнее стихотворение И.А. Бунина, написанное на родной земле. Мы имели право любить, понимать и знать судьбу и творчество поэта во всей полноте, а не отредактированный вариант. Судьба и творчество инвариантны.

**Ольга ИЛЬНИЦКАЯ.
1986 — 1991 — 2002 г. г.
Одесса — Ленинград — Москва.**

Олег ГУБАРЬ

(Из новой книги)

АНАХРОНИЧЕСКАЯ БОЛЕЗНЬ

Помню, очень меня когда-то впечатлили воспоминания Е.П. Янковой о ребенке-Пушкине. Свидетельства мемуариста чистого, искреннего, богобоязненного и притом реалиста. "Большой увалень и дикарь". "Очень он был неловок". "Не знаю, каков он был потом, но тогда глядел рохлей и замарашкой, и за это ему тоже доставалось... Мальчик Грибоедов, несколькими годами постарше его, и другие их товарищи были всегда так чисто, хорошо одеты, а на этом всегда было что-то и неопрятно, и сидело нескладно".

Не хочется банальностей, но приходится констатировать, что повзрослевший мальчик представляется не просто отменным многоборцем, но даже чемпионом по отдельным видам, скажем, по стрельбе и ухаживанию. Типологический сценарий о неумехе (он же — кулема), силою обстоятельств трансформирующемся в Рокки и прочие "крепкие орешки". В этом, собственно, и состоит антикомплекс — как комплекс преодоления комплекса.

Равнение на Пушкина! Хотя кто-нибудь комплексует по поводу груди четвертого (или другого номера) человека. Дело житейское. Но комплекс тут на поверку вовсе другой, хотя как бы и разнообразность описанного. "Кудрявый мальчик лет девяти или десяти, со смуглым личиком, не скажу, чтобы слишком пригляд-

ным". Какой, однако, деликатный эвфемизм. Страшный, прямо скажем, был ребенок. Необыкновенный. Черненький. Кавказской, короче говоря, национальности. Экзотический, примерно, экстерьер. Заведомая фора твоим соперникам по детским и взрослым играм.

Представляете, шестилетний российский дворянин с потрясающе негровыми чертами. Да вот на наших же глазах подросла братская помощь студентов развивающихся стран южного континента. Каково этим детям, знают только они сами. "Лучше быть евреем", — как-то сказал мне один из них. Просто-таки материализовавшийся анекдот о негре, в людном месте перелистывающем еврейскую газету.

Вульгарные мыслители заявляют, что нет худших антисемитов, нежели сами евреи. Тогда уместно сказать, что и Пушкин был антисемитом именно в таком контексте. И это можно назвать самоотрицанием формы. С последующим стремлением изменить форму, сохранив содержание. Что, вероятно, еще никому не удавалось вполне. Я могу сказать только, что Пушкин на свой лад был евреем.

Вкрапленность в культуру в некотором смысле лишает свободы маневра. Слабо сцементированная мозаика разрушается. Разумеется, нездешний нети-

пичный камешек разнообразит палитру и в гамме радует глаз, но при этом ему, может быть, неуютно ложится, или не спится, или он рискует спиться.

Сколько нас мыли и катали. Я уже и сам был рад обкататься и смыться, утратить рожи лица необщительного колорит. Но меня повсюду узнавали. Или, как принято говорить, высчитывали. Такая особая примета во всю го-лову. Поневоле начинаешь сознать себя полудрагоценным поделочным камнем. А хочется слиться с породой. Не быть породообразующим минералом.

Как будто бы все так хорошо умеют стрелять, ездить верхом, пить пунши, фехтовать, волочиться за барышнями, плясать мазурку, проигрывать имения и вызывать на дуэли. Я учился этому прилежно и вместе вдохновенно, будто карьеру делал. Перепивал "памятников", бил морды заводилам регионального разлива, плавал за горизонт, коллекционировал барышень... Чтобы, обскакав всех в молодечестве и надорвав печенки, удостоиться уважительного: "А он хороший человек. Хотя и еврей". И с радостным чувством исполненного долга отползти от родного пепелища к отеческим гробам.

Ах, Пушкин, Пушкин... Сужен ты сын.

Но как все же славно, что ты выстрелил тогда, лежа на окровавленном снегу. Выстрелил и не промахнулся.

МАСКИ-ШОУ

Пытаюсь вспомнить, с каким чувством ходил на первомайские и ноябрьские демонстрации. Тут надо четко разграничить детские и взрослые походы. Потому что сначала на палочках были петушки, а не портреты членов Политбюро.

"Организованной толпой коровы шли на водопой". Помните?

Что-то такое есть в упорядоченной толпе. Вероятно, генетическая память нам не изменяет — не с кем. Толпа — образ стихии. В том числе — подсознательный. Как это там принимались бросать в народ медные деньги. Об этом как раз и сказано про нежданно свалившуюся на тебя кругленькую сумму. Плюс погромы. Плюс Ходынка. И такое прочее.

"Хлеба!" — понятно. А вот "Зрелищ!" — не вполне. Эстетика — эстетика. Канализирование эмоций, эмоциональный всплеск, геотектоническая разгрузка, выпускание пара — тоже, вроде бы, прозрачно. И все? Все ли? Наличествует еще такая штука, как массовость. И сейчас мне скажут о соборности, общности, всеобщем порыве и чувстве эмоционального (эстетического) единения. О Законе Больших Чисел. И впрямь нечего возражать. Но ведь брюхом же чую: недостает какого-то важного компонента. Может быть, важнейшего среди прочих. Какого?

В памяти всегда на первом месте декоративность. Те же петушки на палочках, цыганские крашенные "шарики" — презервативы, музыкально пукающие "уйди-уйди", набитые опилками многоцветные колбаски на резиночках. И мы, иначе (празднично) наряженные, немножко другие. "Ну и что же, — парируют, — это же такой совковый паллиатив карнавала. А об этом-то последнем — все сто томов чужих партийных книжек".

Ну да. Пир во время чумы, ненасытное обжорство накануне мясопустыцы, детский крик на лужайке в виду жизни напрасной. Праздник первобытного коллективизма. Сконцентрированный, спрессованный потенциал. Творческие пресервы. Еще бы.

Парад масок. Шествие. Процессия. Имитация чего? Может, какого-то иного

мироустройства. Кардинальное перераспределение ролей. Тогда теоретически получится другой миропорядок, руко-творный. Тотально комфортный. Уютный. Безопасный.

Это и называется "Кем быть". Кто на чем-то там сидел, кто на что-то там глядел. Если вам больше нечем гордиться, то гордитесь хотя бы древностью профессии. Мамы наряжают пупсов ангелами во исполнение вековой мечты человечества. Зайчиками. Кошечками. Белочками. Я, например, был Зайчиком. Меня Дед Мороз таскал в мешке вместо подарков. А далее, по сценарию, как бы ошибочно вытаскивал оттуда. Извлекал за уши, и я во всю прыть мчался наутек. То есть и в самом деле был еще тем подарком.

Какая разница, знаю я тебя, маска, или нет. Важно себе подобрать подходящую. И оставаться неузнанным. Тогда все пойдет по-другому. И наступит коммунизм. Как усердно готовился город к маскарэду! Месяцами, неделями рукодельничал. Строил светлое будущее. Мы же, как никак, кузнецы своего счастья. Оборочки, бретелечки, крахмальная архитектура манишек и манжет. Уже утюжат фрак церемониймейстеру — дирижеру Буфье. Пиротехник Руджейро начал пробное покорение Вселенной фейерверками.

Мы не можем ждать милости от природы. Поэтому мы работаем руками. Искусство — всего-навсего, искусственное. Очень просто. Мы наш, мы новый мир построим. Напишем декорации, сошьем костюмы, подберем реквизит. Вот нам и мир-театр, по нашему новому образу и подобию. В котором все, кому ни лень, актеры. Потому что ведь изначально "все не так, ребята". Не мы лепили, не мы кроили. Никаких гарантий. Ненадежно. "Ой, не доверяю я Тебе". Надо — эксклюзивно, по спецзаказу, "индпошив, а не ширпотреб". И швец, и жнец, и на дуде игрец. Техника должна быть на высоте. (Старый анекдот. Социальное положение сапожника? Сидячее).

А то что это за демонстрация получается? Мы — не мы. Мы немцы. Две враждующие стороны... одной медали.

Карнавал — это собственноручное со-творение мира.

... Господи, и что из меня вырастет?

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА «Вікна-Одеса» (тел. 23-13-60).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N . газета отпечатана в типографии «СІС».

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 249-080.